

1972. Миссия

Автор:

Евгений Щепетнов

1972. Миссия

Евгений Владимирович Щепетнов

Михаил Карпов #6

Михаил Карпов, попавший из 2018 года в начало семидесятых, уже неплохо освоился здесь за последние пару лет. Он все еще пребывает в США и не может вернуться на родину. Слишком непредвиденными могут быть последствия для человека из будущего, представляющего реальную угрозу для высшего руководства. И все же навсегда оставаться в Штатах Карпов не планирует. Пока что жизнь популярного писателя-фантаста на просторах США Михаила по большей части устраивает. Его книги пользуются огромной популярностью, по ним снимают фильмы голливудские студии, у него большое состояние и миллионы поклонников. Но можно ли думать о себе, когда родной край переживает непростые времена? Брежнев и Андропов мертвы, а к власти пришел Шелепин. У него собственное видение будущего страны. Вероятно, вскоре знакомого Карпову Советского Союза больше не будет...

Евгений Щепетнов

1972

Миссия

Евгений Щепетнов

* * *

Глава 1

Я замолчал и оглянулся на машинистку. Она в последний раз стукнула по клавишам, дописывая слова и ставя точку, села прямо и откинулась на спинку стула.

- Здорово! Михаил Семенович – это замечательно! Сынишка вчера по телефону спрашивает – мам, расскажи, что дальше будет – так меня просто распирает, так хочется рассказать, но я креплюсь!

- И крепись! – я погрозил пальцем, и Ольга смущенно покраснела.

- Нет-нет! Что вы! Я никому ни слова! Я же договор подписала!

- Ладно... на сегодня хватит. Поздно уже, отдыхай. Да и мне пора уже отдыхать... завтра тяжелый день!

- Не представляю – как вы все успеваете? – Ольга выдернула листы из машинки и уложила их в стопочки: три стопки, три разного качества пропечатки листы. Тут же рядом небольшая стопка с потерявшими свою способность пачкать листами копирки. Ох, как же мне не хватает моего ноутбука! Эти чертовы печатные машинки просто достали!

Но в 1972 году никаких ноутбуков нет еще и в помине. Все, что имеется – громадные ящики, размером со шкаф, гордо именуемые электронно-вычислительными машинами. Красиво, конечно – огоньки бегают, бобины с пленкой крутятся! Сюрреалистичная картина, прямо-таки из фантастического фильма! Но лажа абсолютная – каменный век.

В общем, задумался я, как мне ускорить мою писательскую работу, сделать ее максимально продуктивной, и не нашел ничего лучшего, как нанять профессиональную машинистку. И кстати сказать – это было задачей не то что нелегкой, это было... потрясающе нелегко! Просто нереально! Найти в Штатах, а

конкретно в Нью-Йорке машинистку, печатающую на машинке с русским шрифтом – это сложная задача. Но найти ту что строчит как пулемет, воспринимает текст со слуха да еще и без грамматических ошибок?!

Если кто и мог это сделать – то только Стив, с его разветвленными связями в полиции не только Нью-Йорка, но и в других городах. Стив время от времени выступал на ринге за полицейское управление Нью-Йорка, и выступал очень успешно – если не первое место, то второе и третье он занимал гарантированно. Ну и соответственно знакомился и дружился с копами других городов. И вот когда я сказал ему, что разыскиваю русскоязычную профессиональную машинистку – он кинул клич по своим знакомым и коллегам, и через неделю ко мне приехала Ольга Фишман, эмигрантка, не так давно покинувшая Союз вслед за своим отцом, Львом Моисеевичем Фишманом.

В Нью-Йорке они жили уже три года, и честно сказать – звезд с неба не хватало (и это мягко сказано). Лев Моисеевич в Союзе был преуспевающим ювелиром, а еще – коллекционером. Он собирал деньги. Нет, не только советские дензнаки – хотя как я понял, с этим делом у него было очень хорошо поставлено, Фишман умел заработать рубль-другой, впрочем – как и все коллекционеры, покупающие и продающие раритетные монеты. Хорошая коллекционная монета в отличном сохране может стоить огромных денег, а если ее еще и купить у лоха, не знающего настоящей стоимости монетоса (мечта каждого коллекционера!), то нажиться на перепродаже можно-таки фантастически.

С чего ему в голову стукнула такая мысль – свалить в Штаты, кто ему эту мысль в голову внедрил – это знает только сам Фишман. И то, что он это вообще проделал – было делом фантастическим, и я никогда не узнаю – кому и сколько он дал в лапу, чтобы его семье разрешили свободно уехать.

Впрочем – свободно, это понятие растяжимое. Вначале он заплатил за то, что некогда Советская страна выучила его в школе, затем в институте, выучила дочь Ольгу, жену Розу Марковну, а уж потом ему позволили покинуть город Ленинград и собственно страну, имея в руках... собственно – практически ничего не имея. Все, что Лев Моисеевич накопил за годы его успешной деятельности на ниве ювелирного и антикварного дела, отправилось либо в закрома государства, либо в бездонные карманы различных чиновников, отвечавших за выезд эмигрантов на ПМЖ за рубеж.

Чиновники всегда брали – что при социализме, что при злом махровом капитализме. Мне было даже интересно – сколько же отдал Фишман за то, чтобы ему разрешили выехать? Соглашение о свободном выезде эмигрантов в моем мире Брежнев подписал только в 1973 году, то есть практически лишь в следующем. Тогда и начался массовый исход евреев в Израиль и США. Вернее, даже так: эмигрировали они типа как в Израиль, чтобы прислониться к родным березкам... хмм... обожженным солнцем камням Иерусалима, но в большинстве своем даже не приложившись губами к родным так сказать булыжникам, разворачивались и летели в США, землю по-настоящему обетованную. И я их прекрасно понимаю – на кой черт им воюющий Израиль, когда любить свои родные пенаты можно и нужно с Брайтон-Бич, сидя за столиком кафе «Волна» и разглядывая проходящих мимо еврейских девушек. Воссоединиться со своим народом – это хорошо, это правильно. А вот воевать со злыми арабами – это нет, это для дураков! Увольте!

Такую же штуку проделал и Фишман – транзитом через Израиль нормально приземлился на Брайтоне, где в скором времени открыл антикварную лавку и там сидел, ремонтируя ювелирные изделия и мечтая о большом гешефте. Откуда он взял денег на открытие магазина? На ювелирные инструменты? Ой-вэй, ну зачем вы спрашиваете?! Спрашивать, каким образом человек заработал свои деньги – все равно что спрашивать, в какой позе он трахает свою жену! Так считают американцы, так считают и все умные люди, сумевшие сохранить кусочек своего капитала.

Подозреваю, что будучи умным человеком Лев Моисеевич сообразил, каким образом можно вывезти хоть немного денег из своего непосильным трудом нажитого капитала. Например – бриллианты занимают очень мало места, а еще – они не звенят, когда тебя и твои вещи обследуют с помощью металлоискателя. И вряд ли тебя заставят глотать слабительное, чтобы всласть порыться в твоём дерьме на предмет нахождения в нем особо ценных, и точно запрещенных к вывозу перлов.

У Фишманов здесь была дальняя родня, и один из его троюродных племянников служил патрульным полицейским. Вот так Стив на Фишманов и вышел. Этот самый полицейский знал Ольгу – еврей, тем более находясь в чужой стране, очень ценят ближнюю и дальнюю родню, особенно в такие сложные времена как нынешние, потому не гнушаются общением, тем более что повод для этого самого общения подворачивается очень даже нередко. Свадьбы, похороны – посетить их дело правильное и способствующее налаживанию родственных

связей.

Ольга закончила филологический факультет университета, работала в газете, рано выскочила замуж, и так же быстро развелась, едва только у нее родился сын. Муж, журналист той же газеты, оказался ветреным пустобрехом, у которого за душой не было ничего, кроме симпатичной физиономии и мужественным крепких плеч. Он гулял, выпивал, и на семейные дела ему было совершенно наплевать. А когда Ольга уже не могла ублажать его в постели – он тут же переключился на других женщин, и подурневшую от беременности жену вспоминал только тогда, когда после очередного загула приходил домой и требовал пожрать. По крайней мере, мне так рассказала Ольга, которая почему-то прониклась ко мне абсолютным доверием.

Ольге двадцать пять лет, она на самом деле красивая женщина – мне вообще везет на красивых женщин. Нет, никаких любовных связей у нас с Ольгой нет и быть не может – у меня есть Ниночка, и пусть она пока отсутствует, отправившись на съемки фильма по моей книге «Нед», но в конце концов-то все-таки вернется. А на кратковременную интрижку со своей работницей у меня так сказать рука не поднимется... и не только рука.

Работа – это одно, любовные приключения – совсем другое. И я всегда негативно относился к тому, чтобы начальники использовали свое служебное положение в лично-любовных целях. Когда какой-нибудь придурок начинает преследовать женщину, требуя от нее интимных отношений за свое начальническое благоволение – это ведь просто мерзко. А если и не преследует, все происходит по взаимному согласию – все равно, как он потом сможет с нее спросить хорошую работу, если только час назад имел ее в своем кабинете, и она называла его уменьшительно-ласкательными прозвищами? «Мой толстячок!»

Но Ольга была хороша, это факт – смуглая бархатная кожа, черные глубокие глаза, иссиня-черные волосы, крепкая, стройная фигура, ничуть не расплывшаяся после родов (она даже бегала по утрам, держа себя в форме). Когда я смотрел на Ольгу, то вспоминал фотографии красивых евреек, служивших в армии Израиля в мое время, в 2018 году. Это были очень, очень красивые девушки. На удивление красивые – особенно в армейской форме.

Ольга довольно-таки решительная девушка (Или женщина? Для меня, пятидесятилетнего, все женщины моложе пятидесяти – однозначно девушки. А уж такие как Ольга – так и вообще девчонки, в дочери ведь годится!). Она

рассказывала, как однажды ее пытались ограбить двое худосочных чернокожих подростка – один даже угрожал ей ножом. Так Ольга, будучи советской девушкой, воспитанной в духе интернационализма, покрыла их интернациональным матом, потом схватила с земли палку (благо что мусорка была рядом) и едва не выбила дух из обоих потомков дяди Тома, бежавших потом быстро и резво, и даже потерявших при этом свой замечательный ножик. Она показывала мне его – теперь носит в сумочке – ну так, на всякий случай.

Кстати сказать, я после того как узнал об этой истории пригласил Ольгу в спортзал, и показал ей несколько приемов ножевого боя – как правильно держать нож, куда бить, чтобы нанести как можно большие повреждения, но не убить сразу (зачем проблемы с законом?), как защищаться от удара ножом (Лучшая защита от ножа – быстрые ноги, если перед тобой профи, владеющий ножевым боем. Иначе просто не спастись). И тренировалась она вместе с Ниночкой и Лаурой, женой Пабло – моего можно сказать начальника службы безопасности. Когда эти трое отправились на съемки фильма, Ольга тренировалась уже со мной.

Я не бросал тренировки и занимался каждый день – по часу, по полтора физическими упражнениями, в основном рукопашным боем, хотя еще и подкачивался на тренажерах и с гантелями, и по часу стрелял по мишеням из всевозможного огнестрельного и не только – оружия. «Не только» – это были стальные арбалеты сделанные по моему заказу.

Интересная, и очень эффективная штука эти арбалеты! Убойная сила – не меньше, чем у обычного пистолета. И практически, абсолютно беззвучные – если не считать звука спущенной тетивы.

Ольга эмигрировала в США не потому, что ей так хотелось. Ее все устраивало – любимая работа (журналистика – это хорошо!), квартира (дали с работы – однокомнатная, но хорошая!), сын ходит в детский сад – что еще надо-то? Но тут уже папа подгадил. Как только он подал на эмиграцию – Ольгу попросили из газеты, заставив написать заявление по собственному желанию, и вся ее жизнь тихонько пошла под откос. Журналистику ей само собой перекрыли, и никого не интересовало, что живет она сама по себе, а папины планы – сами по себе. Дочь? Общаешься? Ну и пошла нахрен!

В общем – пришлось ей почти год (во время отпуска по уходу за ребенком) работать на дому, печатая на машинке дипломные работы студентов и

диссертации научных сотрудников. Работа достаточно неплохо оплачиваемая, тем более что клиентов у Ольги было пруд пруди – с ее грамотностью и невероятной скоростью печатания Ольга была вне конкуренции, но... это ведь не журналистика. И будущего – никакого. Куда устраиваться на работу, когда кончится отпуск? В уборщицы? А без устройства на работу и в тунядки могут записать, уголовное дело возбудить!

Чем нынешняя работа Ольги отличается от той домашней работы? Да всем! Там она печатала скучные сухие научные тексты, здесь – для писателя с мировым именем печатает его замечательную нетленку, которую с руками рвут и в Союзе, и во всех обозримых странах мира. И фактически она сейчас не машинистка, а секретарь, личная помощница знаменитого писателя, отвечающая за распорядок его деловых встреч и за общение с представителями прессы.

Конечно, главной ее функцией было печатание моих книг, но и это она воспринимала с огромным удовольствием – во-первых, ей очень нравились мои книги, и она была ярым моим фанатом (кстати – вела переписку с несколькими моими фан-клубами).

Во-вторых, кому не было бы приятно первым из уст автора узнать содержание новых глав потрясающей эпопеи про мальчика-волшебника? Да за такую возможность многие из фанатов не то что отдали бы все, что у них есть, но и душу бы дьяволу продали! А она сидит, вот так запросто общается с автором «Гарри Голдмана» и записывает то, что выдает его изощренный ум!

Мне стоило достаточно больших усилий, чтобы вытащить Ольгу из объятий ее доброго папочки. Роза Марковна была совсем даже не против, чтобы дочка работала где-то еще, а не сидела в мужнином магазинчике и прозябала в скуке и безнадее, не имея возможности найти себе красивую партию (не считать же достойной партией мясника Соломона Каца, не снимающего свой испачканный кровью передник сутками напролет?), но вот Лев Моисеевич... тот во-первых после того, как его освободили от «незаконно нажитого» испытывал стойкую неприязнь к тем, кто хоть немного хорошо говорит о Советском Союзе – надо ведь как-то оправдать свою глупость, заставившую принять решение об эмиграции? Ведь в Союзе не давали развиваться предпринимательству, а тут ему все возможности, живи – не хочу! И неважно, что в Союзе он жил на порядок, а то и на два лучше.

Во-вторых, отправлять свою единственную дочь в подчинение к гою – это все равно как толкнуть ее в объятия дикого зверя. Ведь ясно же, что он тут же затащит несчастную дочку в постель, а потом Розе Марковне придется воспитывать еще одного наполовину гоя! Хватит уже плодить полукровок и вешать их на шею престарелым родителям!

Справедливости ради надо сказать, что Лев Моисеевич был по возрасту не старше меня, так что престарелым назвать его трудно – я тоже начал свой шестой десяток, хотя и выглядел на двадцать семь – тридцать лет. Что кстати тоже довольно-таки подозрительная штука – или этот гой подделал свои документы, или он вообще ненормальный – ну как это человек в пятьдесят может выглядеть как настоящий мальчишка! Пусть даже и очень большой и плечистый мальчишка! Нормальные люди в пятьдесят имеют солидный живот, одышку и объемистый тухес, не то что странные мутанты, которые умудряются в пятьдесят лет на ринге бить физиономию всяким там черномазым боксерам!

Да, он видел мой бой с Мохаммедом Али, и этот бой ничуть не сделал его расположенным к моей странной особе. Дословно он сказал своей любимой дочке: «Когда этот гой разобьет тебе твое красивое личико и сломает твой красивый носик, не обращай к папе и не плачь, рассказывая о том, как я был прав и какая ты случилась дура!»

Короче: когда Фишман услышал, что дочь приглашают работать у русского писателя, гражданина Союза – он тут же встал на дыбы: не бывать этому! Никогда советский, да еще и гой не будет эксплуатировать славную дочь еврейского народа! После слез Ольги, после увещеваний Розы Марковны, после заверений Стива что «иностранец совсем безопасный!» – Лев Моисеевич согласился со мной встретиться и обсудить работу его дочери. Как и все хитрые, мнящие себя великими умами люди он был о себе очень высокого мнения и считал, что стоит ему один раз поглядеть на человека – так сразу же определит, хороший это человек, или нет. Стоит с ним иметь дело, или не стоит.

Вообще-то Ольга могла бы просто заявить, что не нуждается в папенькиных советах – с кем ей иметь дело, а с кем не иметь, но очень хотелось с ним ссориться. Во-первых, она его любила. Какой бы не был Лев Моисеевич – за дочь он бы душу свою отдал. Родная кровь!

Во-вторых, сын Ольги Костенька жил с дедом и бабушкой (как и сама Ольга) и ни к чему ему целыми днями слышать стенания о неблагодарной дочери, которая

не слушается умных родителей и обязательно поимеет кучу неприятностей.
«Лучше пусть все будет сделано по-уму!»

Когда Стив объяснил мне ситуацию (Неловко пожимая плечами и вздыхая – он считал, что не гоже со стороны какого-то там мелкого лавочника так задирать нос, да еще и перед кем – перед всемирно известным, богатым как Крез писателем!), я ни минуты не раздумывая попросил его назначить встречу со строптивым ювелиром, дабы попробовать его уговорить отпустить дочку в люди. Мне на самом деле очень была нужна профессиональная машинистка. Я буквально разрывался на части, пытаюсь успеть сделать сразу несколько очень важных для меня дел: нужно было как можно быстрее писать книги (куй железо пока горячо!), заниматься делами продюсерского центра, который мы основали совместно со Страусом, а еще – сниматься в роли Сириуса Блэка в фильме по моему «Гарри Голдману». И кроме всего этого была еще куча дел – например, общаться с известной юридической конторой, которую мы с Пабло наняли для борьбы с английскими букмекерскими конторами, которые внаглую отказались платить Пабло гигантский выигрыш, который ему причитался после ставки на мою победу в бое с Мохаммедом Али. Вернее – причитался мне, Пабло был тут лицом подставным.

Кстати сказать, я чего-то подобного и ожидал. Никогда букмекеры не расставались с деньгами так, как это положено делать по закону. Вот принять ставку – это всегда-пожалуйста, и развести руками в случае проигрыша – мол, «кисмет»! Такова судьба! А когда грядет крупный проигрыш, когда ясно, что ты сейчас вывалишь весь свой капитал – здесь в ход уже идут все возможные уловки чтобы не платить.

Например – можно объявить результат недействительным, потому что... да по любой причине, которая придет в голову! Например – что им подозрителен тот факт, что во-первых Пабло работает на меня, одного из участников боя. И неважно, что ставка сделана не на мой проигрыш, а совершенно наоборот – «Это мошенничество! Мы не будем платить!».

Джентльмены, известное дело – они ведь издавна хозяева своего слова. Дал слово – забрал слово! Оно же принадлежит ему, джентльмену!

Сумма выигрыша оказалась просто потрясающей: больше трехсот миллионов долларов. Вытащить с букмекерских контор я сумел только сто двадцать миллионов. Что впрочем и так было просто запредельно. Если перевести эти

деньги на уровень цен и заработных плат 2018 года, то эта сумма возрастает ровно в десять раз. То есть: для 1972 года считается приличной зарплатой жалование в 500 баксов за месяц. В 2018–5000 баксов... Итого, по уровню 2018 года в моем распоряжении оказалось более миллиарда долларов. Вернее – миллиард двести миллионов долларов, и это не считая тех миллионов, что уже были у меня на счету.

Но я не собирался терять те деньги, что должны мне букмекерские конторы – нанял самую злую, самую известную юридическую фирму, славящуюся высокими гонорарами и блестящими победами на юридическом ристалище, и натравил их на строптивные конторы. Еще хотя бы миллионов пятьдесят выдернут из наглов – и это будет просто замечательно. И черт с ними, что они сдерут запредельный гонорар – все равно деньги дались мне легко, главное, чтобы победили и оттоптались на жадных мерзавцах. Насколько я в курсе дел – сейчас мои крючокотворы буквально парализовали деятельность этих контор по решению суда, и добираются до их активов и недвижимости – не можете платить, так отдадите все, что возможно! И что невозможно – тоже!

Да, я не толерантный, и никакой жалости к «несчастливым» букмекерам у меня нет. Так-то я понимаю, что они живут с обмана, с надежды людей на выигрыш и кидалово для них так же естественно, как дыхание или мочеиспускание, но вы, твари, должны думать – на кого можно нападать, а на кого нет! Я все сделаю, чтобы вас в порошок стереть! Ишь, батон на меня крошить взялись, гады! Берега попутали, мрази! Ух, как я зол! Тоже мне, «старинные британские конторы»!

С подачи юридической конторы, и при моей инициативе, были активизированы все мало-мальски значимые газеты и самые известные журналисты, которые внедряли в голову граждан Британии мысль о том, что держать слово – это хорошо, что букмекерские конторы должны платить, даже если выигрыш грозит им разорением, и что на этом держится весь цивилизованный мир. А те, кто не исполняет свои обязательства – суть приспешники Сатаны и подрыватели устоев старой доброй Англии.

Судя по тому, как продвигалась эта кампания в СМИ, имелся вполне приличный в процентном отношении шанс вытащить из мерзавцев еще по крайней мере сотню миллионов баксов, а это не просто замечательно, это... это сотня миллионов баксов! Или миллиард – в ценах 2018 года! Чем плохо? На эти деньги у меня имелись большие, очень большие, далеко идущие и хитрые планы.

Ну, так вот: Стив договорился о встрече с отцом Ольги, которую к тому времени я знал только по рассказам Стива – мол, печатает она с пулеметной скоростью, и если бы сам не видел – то в такое бы и не поверил. И печатает она именно что с голоса. Кстати, печатает – и на русской «клавиатуре», и на английской. А еще – умница, красавица, и мечтает у меня работать (Стив с ней само собой заранее успел пообщаться).

Сказано – сделано. Сажусь в свой белый кадиллак, и еду на Брайтон-Бич. Само собой – обвешался оружием насколько мог – «кольт» сорок пятого калибра в подмышке, «вальтер ППК» на другой стороне, тоже в подмышке, «смит-и-вессон» в «бардачке» машины, и в багажнике – «калашников» 7.62 с запасом патронов. Ну и нож на предплечье – узкий такой, похожий на дайверский. Если что – его и метнуть можно, я неплохо метая ножи.

После той печальной встречи с представителями банд Нью-Йорка, когда Пабло едва не закончил свои дни в овраге под нашим городком, я выезжаю из своего поместья только вооруженным до зубов – во избежание повторения пройденного. Благо, что разрешение на хранение и ношение оружия у меня имеется. Я тогда поубивал часть черных бандитов, но их осталось еще более чем достаточно для того, чтобы замыслить какую-нибудь пакость в отношении наглого русского, нагло не позволившего себя прикончить. Потому – никакого бессмысленного риска – если можно его избежать.

Почему поехал в одиночку? Так занят Пабло – сейчас он и Ниночка с Лаурой учат текст, с утра до ночи отрабатывая полученные роли. Скоро им отправляться в Голливуд на съемки. Да и знаю, если что – обойдусь и без него, я ведь далеко не мальчик и кое-что в этой жизни повидал. И убивать умею. Хотя и стоило бы наверное нанять и охранников, и водителей – не нищий ведь! Чего самому за рулем сидеть? Сделаю... чуть попозже. Пока что – мне ни до чего.

Брайтон-Бич. Я до сих пор так на нем и не побывал. А ведь интересно, что здесь за житье-бытье! Читать про него много читал, но так и не удосужился сюда съездить.

И кстати сказать – как оказалось, совсем даже не зря. Ничего здесь хорошего нет. Грязный песчаный пляж, океан, дорожка-настил, по которому вдоль пляжа под еще холодным весенним солнцем прогуливаются люди, в которых легко можно узнать выходца из СССР. Как они привыкли носить штаны с кожаным ремешком и рубаху заправленную в брюки, свитера с оленями и вязаные кофты –

так они их здесь и носят. Если не знать, что это Брайтон – подумаешь, что прогуливается обычный московский пенсионер.

Вывески на русском языке с переводом на английский. Именно так, я не ошибся – вначале на русском, потом, и частенько коряво так – на английском. Сразу видно, какие люди тут живут. И становится немного странно – если вы ехали в чужую страну, если так хотели здесь жить, так почему же упорно сохраняете кусочек своей прежней жизни? Почему вы не позволяете Америке поглотить вас с головой, почему не растворяетесь в ней?

Лавка Фишмана была совсем маленькой. Почему лавка, а не магазин? Да именно потому, что очень маленькая. А кроме того, на ней была надпись на русском языке: «Антикварная лавка». Интересно, на кого он тут рассчитывает продавая свой антиквариат, всех этих фарфоровых кошечек, собачек, самовары и саратовские гармошки? Кому они нужны здесь, в Америке? Ощущение такое, что этот человек хочет сохранить видимость того, что живет он полноценной жизнью – такой, какой когда-то и хотел жить в благословенной Америке. Но вряд ли пределом его мечтаний была крохотная лавчонка и закуток в дальнем углу, где он спаивал оторвавшиеся звенья цепочек и наносил на кольца надпись: «Софочке от Марика на память».

Типичная судьба эмигранта, не нашедшего себе достойного места в чужой стране и яростно набрасывавшегося на тех, кто посмеет ему сказать, что он допустил глупость в тот момент, когда принял к исполнению свою дурацкую мечту об эмиграции в эту жестокую «страну чистогана». Не наше это все, чужое. И если я добился успеха в этой стране, то все равно – она мне чужая. Я лично ощущаю себя чем-то средним между Штирлицем, работающим под прикрытием офицера СД, и работягой, приехавшим заколачивать деньгу вахтовым методом.

Нет, я не осуждаю жителей этой страны за то, что они живут так, а не как-то иначе – да пусть себе живут как хотят! Лишь бы моей стране не гадили. А люди здесь живут разные – есть плохие, как те, кто пытался меня убить, и есть хорошие, которые за меня встанут стеной, если придется. И моя миссия – сделать так, чтобы хорошие люди моей страны не схватились в смертельной схватке с хорошими людьми этой страны. По крайней мере – я так это понимаю, эту самую свою миссию.

Ольга была на месте, за прилавком. И самое интересное – она читала мою книгу. Одну из книг серии «Нед», по-моему, четвертую книгу. Увидела меня, отложила

и закрыла книгу (отсюда я и узнал о том, что это за книга), и с заученной милой улыбкой поднялась мне навстречу. Потом ее брови поднялись от удивления, и она вдруг ойкнула, покраснев, как девчонка, и так же по девчачьи коснувшись пальцами руки своих смуглых гладких щек.

– Здравствуйте! А я вас сразу-то и не узнала! А потом поверить не могла, что это именно вы! А фото-то вот оно, на обложке!

– Богатым буду, раз не узнали – усмехнулся я, и не откладывая дело в долгий ящик, предложил – может быть покажете свое умение? Есть возможность?

– Да, конечно! – Ольга выудила откуда-то печатную машинку, быстро, привычным движением заправила в нее лист и оглянулась на меня – Диктуйте!

Я подумал секунду и стал выдавать вслух кусок текста, готовый к тому, чтобы вставить его в очередную книгу «Гарри». Ольга затрещала на машинке – да так быстро, так ловко, что я невольно ею залюбовался. Ей-ей, на ноутбуке она бы работала еще быстрее, но и тут девушка выдавала просто чудесный результат – она работала вслепую, всеми пальцами, и успевала записать все, что я говорил без всякого усилия и каких-либо напрягов. Ощущение было, будто я своим голосом запускаю печатного робота, пальцы которого мелькают с такой скоростью, что уследить за их движением сможет вовсе даже не всякий человек.

– Я могу еще быстрее, но тогда уже быстро начинаю уставать – слегка смущенно пояснила Ольга – А с такой скоростью могу печатать сутки напролет. Устану, конечно, но не так, чтобы очень.

– Языки какие знаете, кроме английского? – продолжал экзаменовать я.

– Французский, немецкий, испанский, португальский, китайский, японский, хинди... – застенчиво улыбнулась девушка – Могу говорить, могу и печатать – кроме китайского. Там с печатанием все сложно. Но читаю и говорю хорошо. И понимаю все, что говорят.

– Ничего себе! – невольно присвистнул я – Это как же вы столько языков изучили?! Где?!

– Говорят, у меня талант к языкам – пожала плечами девушка – Я могу выучить язык за несколько недель. Только зачем? Особой надобности как-то и не случилось. Мне хотелось читать книги в оригинале – я и выучила эти языки. А какие-нибудь суахили или вьетнамский – мне не интересны. Но понадобилось бы – я бы и их выучила.

– Вам сколько лет, Ольга?

– Двадцать пять – снова смутилась девушка – У меня сыну уже пять лет. Он сейчас с бабушкой... с моей мамой.

– Нам придется много ездить. Ребенок не помешает?

– Нет-нет, не помешает! – заторопилась Ольга – Он с бабушкой, ему с ней хорошо, а я... я все равно постоянно здесь, на работе. Света белого не вижу!

Ольга покосилась на отгороженный закуток, откуда уже выглядывала физиономия мужчины, и тихо мне пояснила:

– Папа! Постарайтесь его обаять, ладно?! У него сложный характер, но он хороший, очень хороший! Я не хочу его огорчать! Честно скажу вам – я и без его разрешения пойду к вам работать, не беспокойтесь, но очень прошу вас с ним поговорить, и пусть он мне разрешит. Мама за меня, а он вот уперся, и все тут! Говорит – не отдам дочь какому-то там боксеру! Чтобы он ей морду бил!

Ольга прыснула со смеху, и я тоже не удержался. Смеялась она заразительно – ямочки на щеках, полные губы, готовые раздвинуться в улыбке. Хорошая девчонка, как мне кажется. Не стервозная. Стерв я сходу вижу – они сразу или начинают манерничать, чтобы мне понравиться, или тут же показывают свой норов. Сьюзен – вот та настоящая стерва. Она это и не скрывает. А мужики для нее лишь средство для удовлетворения сексуальных потребностей, потом друзья, и потом деловые партнеры. Хотя... «деловых партнеров» я все-таки поставил бы на первое место. Если что американцы и американки умеют, так это ставить дело превыше всего – сделал дело, а потом хоть свальным грехом занимайся. Всем на тебя плевать. А если не сделал... никакая дружба и никакая любовь не спасет от увольнения.

– Доча, ты чего там стрекочешь? Кто пришел?

– Это к тебе, папа! – Ольга сделала мне «страшные глаза» – Поговори с человеком!

– Ко мне? Пусть проходит человек! – оживился мужчина, и я понимающе подмигнул Ольге, мол – все будет в порядке!

Лев Моисеевич Фишман был грузным человеком, выглядевшим старше своих пятидесяти лет. То ли из-за тучного сложения, то ли из-за испанской бородки, то ли из-за набрякших под глазами мешков, а может потому, что на его лице отражалась вся многовековая тоска гонимого всеми странами «богоизбранного народа» – как себя называют евреи. Вот если кто-то кроме цыган и умеет жить в чужом обществе, не вращая в него корнями и совершенно не ассимилируясь, так это точно евреи. Умеют они сохранить и особенную внешность, и образ жизни, и без всякого сомнения – образ своего мышления. Народ умный, народ дельный, но... своеобразный, и к ним тоже нужно привыкать особо – как к тем же кавказцам либо цыганам. Знаешь, как с ними общаться, как находить точки соприкосновения – все будет хорошо. Не знаешь... лучше все-таки знать. Нет народов плохих, есть люди, которые не умеют находить общий язык. За исключением жителей Сентинельских островов, которые убивают любого чужака, попавшего на их территорию.

Лев Моисеевич не был карикатурным «еврейским гусаром», одним из тех, кого показывают в комедиях или боевиках, и которые чаще всего выступают комическим персонажем («Мы, гусские, дгуг дгуга не обманываем!»). Речь старого петербуржца была правильной, литературной, голос – звучный баритон, а манеры выдавали в нем человека, привыкшего к уважению и даже почитанию. Эдакий профессор с кафедры медицины, либо биологии.

Однако фартук, похожий на фартук сапожника из фильма «Женитьба Бальзаминова» вносил некоторый диссонанс в образ университетского профессора, можно сказать принижал этот самый образ, опуская его до уровня простого гравера-ювелира из маленькой лавчонки забытого богом Брайтона. В общем – как не пыжься, а работяга ты, и есть работяга. Стоило ради этого уезжать со своей Родины? Ну да, да... гонения... никакой свободы... того и гляди посадят и все отнимут... как страшно жить! А теперь не страшно. Теперь ничего не отнимут. Теперь – все просто отлично! Ибо нечего отнимать!

– Итак, молодой человек, что вы хотели?

– Я Михаил Карпов, и вы хотели со мной встретиться – выдал я горькую правду. От чего лицо «профессора» сразу посерьезнело.

– Вы – Михаил Карпов?! – Фишман был искренне удивлен, и даже недоверчив – Мне сказали, что вам за пятьдесят! Я смотрел по телевизору ваш бой с этим негром... как его там... Али! Вот – Али! На экране вы выглядели старше!

– Так получилось – терпеливо пояснил я, и улыбнулся – Ну что, поговорим?

– Пойдемте... – Фишман сделал приглашающий жест рукой и я проследовал за ним в застекленную полупрозрачным стеклом-«метелицей» комнатушку, даже не комнатушку, а так... маленькую мастерскую, где умещается только стол с инструментами и стул для посетителя. Зауток, по другому и не скажешь.

– Присаживайтесь, пожалуйста! – предложил Лев Моисеевич, и облегченно вздохнув грузно приземлился... вернее «прикреслился» в кресло, свободно вращавшееся вокруг оси. Сел, и вперился в меня взглядом черных, как у своей дочери маслянисто-блестящих глаз.

– Никак не могу поверить, что мы с вами в одном возрасте! – Фишман недоверчиво помотал головой, а я индифферентно пожал плечами. Демонстрировать ему свое водительское удостоверение с датой рождения я не хотел. Хочешь верь, не хочешь – не верь, мне-то какое до этого дело?

– Итак, вы хотите пригласить мою дочку работать на вас! – живо, даже слегка агрессивно спросил Фишман – А можно ли мне узнать, сколько вы собираетесь ей платить?

– Можно. Тысячу долларов.

– Сколько?! – Фишман широко раскрыл глаза от удивления, потом эти самые глаза вдруг прищурились – И что же она должна будет делать за эти деньги?

– Ничего такого, что не входит в ее обязанности – усмехнулся я – Интим, если вы это имели в виду, в ее обязанности точно не входит. У меня есть женщина, и вообще, я противник интимных отношений на работе. Основной обязанностью Ольги будет печатание моих книг. Я буду диктовать, она печатать. Я медленно

печатаю – в сравнении с ней, конечно, так что она позволит мне ускорить процесс написания. Кроме того – она будет выступать моим секретарем, моей помощницей и переводчицей. Насколько я узнал – ваша Ольга полиглот и владеет несколькими языками.

– Моя дочка – умница! – с гордостью, кивнув заявил Фишман – В Союзе ее не ценили! А здесь, в свободной стране...

Он осекся, поняв, как глупо это слышать сидя в маленькой клетушке, и я поняв его слегка улыбнулся. И промолчал. Зачем расстраивать человека, напоминая ему о несбывшемся?

– И только тысячу? Такой умной девочке? – слегка сварливо спросил хозяин лавки, привыкший торговаться со своими клиентами.

– Для начала – тысяча. Плюс содержание. Питание, проезд – все за мой счет. И одежда для светских мероприятий.

– Вот как? Неужели писательство приносит такой доход, что вы можете себе позволить платить такую зарплату машинистке? – Фишман недоверчиво посмотрел на меня – Нет-нет, я слышал, что дочка говорила будто бы вы популярный писатель. Честно скажу – она слишком восторженная девушка, и я ей особенно не верю. Но... все-таки?

– Я богат, и могу себе позволить любые траты – снова усмехнулся я – И уж такую мелочь, как нанять секретаря – совершенно точно.

– Советский писатель! Богат! – Фишмана похоже что просто распирало от возмущения и недоверия – да разве советский писатель может быть богат?! Сколько у вас богатства? Сто тысяч долларов? Больше? Это же всего лишь сказки! Моя дочь сказала, что вы пишете несерьезные книги – сказки для взрослых! И вы говорите, что богаты?! Как так может быть?

– Что, так и сказала – «несерьезные книги»?

– Нет, не так – слегка смутился Фишман – Она сказала, что вы пишете фантастику. Но фантастика – что такое? Это же сказки для взрослых и детей! И

что, за нее хорошо платят?! Я, ювелир, работающий с драгоценными металлами, с камнями – едва свожу концы с концами, а сказочнику платят большие деньги? Как так может быть?

– Почему нет? – пожал я плечами – Я делаю людей немного счастливее. Дарю им радость, позволяю уйти в мир грез. Разве этого мало? А что касается денег... у меня много денег. Около ста пятидесяти миллионов долларов. Я не знаю, для вас это мало, или много, но мне хватает.

– Сколько?! Не может быть! – Фишман покраснел так, что я подумал – как бы удар не хватил бедолагу. Он, великий Фишман сам признался, что едва сводит концы с концами, а какой-то сказочник... да что же это такое? Где на свете справедливость?! Ну а говорить, что я заработал эти деньги игрой в тотализаторе – совсем даже не собираюсь. Пусть думает что хочет.

– Скажите, Лев Моисеевич, а зачем вы вообще уехали из Союза? Что вам там не хватало? Вы плохо жили? Бедствовали? Зачем... вот это? – я обвел взглядом каморку – Не жалеете, что уехали?

Фишман сидел молча еще секунды три, похоже, что он никак не мог сосредоточиться – я прибил его своим признанием в финансовой состоятельности. Кстати, здесь люди не стесняются сказать, сколько у них денег. А чего стесняться? Налоги выплачены, а тот факт, что у человека много денег говорит о том, что он умен и умеет делать бизнес. Так это характеризует его только с самой лучшей стороны!

– Мне не давали делать бизнес – сказал он медленно и вяло – Я был уважаемым человеком, меня все знали. Но я все время боялся, что у меня отнимут то, что я нажил. Но не будем обо мне. Вы недавно из Союза, вот скажите... как вы относитесь к новости, что умерли два столпа советского правительства? И вам не кажется ли странным, что они умерли оба сразу?

Еще бы мне не было странно, когда я скорее всего и являлся причиной их смертельной «болезни»! Грохнули их Шелепин с Семичастным, да вся недолга. А куда деваться? Убирать-то Брежнева надо было?

– Странно, конечно, но все бывает – небрежно пожав плечами ответил я – Они были уже немолоды, а когда ты не молод – все может случиться. Нездоровый

образ жизни, выпивка, лекарства – вот сердце и не выдержало. А от инсульта – так и молодые не застрахованы. Кстати, а вы не думали над тем, чтобы вернуться назад?

– В Союз?! Никогда! – гордо отрезал Фишман – Попили крови большевики, хватит!

– Что, так уж и попили? – серьезно спросил я – Зажимали, жизни не давали? Жили же ведь как-то, не бедствовали.

– Ну а вы почему уехали? Почему не остались там, в Союзе? – с ехидцей в голосе спросил Фишман – ну и работали бы там! А вы вот выбрали свободный мир! И я скажу вам – почему! Потому что здесь можно заработать! И никто не боится сказать – сколько он заработал! И никто у него не отнимет!

Ну да, ну да... а то я не знаю, что будет творить США в будущем. Пофигу им на тебя. Отнимут все что имеешь – только в путь. И сотворят что захотят, и никакие деньги не помогут. Скажут, что это нужно для безопасности государства и оставят тебя нищим и голым. Плавали, знаем!

– А я вообще-то не менял гражданства – усмехнулся я – У меня гражданство СССР, и другого нет. И скоро вернусь домой, на родину. Вот закончу свои дела, и вернусь. Мне нужно доснять фильм по моим книгам, ну и еще кое-какие дела. Да и вообще, в наше-то время говорить о «вернусь-не вернусь» просто глупо. Сел на самолет – и вот ты уже дома. Захотел куда-то долететь, опять же – на самолет, и ты уже там. Наступит время, когда человек забудет о том, что он привязан к одной стране, одной местности. Станет человеком Земли, а не разделенным нациями и границами народами. Погодите, еще при нашей жизни это будет! И Союз изменится, я уверен. К власти пришли адекватные, нормальные люди – скоро, скоро все поменяется!

– Кстати, а вы слышали новости с внеочередного съезда КПСС? – Фишман достал газету «Правда», раскрыл на нужной странице и сообщил – Смотрите, что они придумали! Генеральный секретарь выступил с докладом... бла-бла-бла... в общем – предлагает полностью отказаться от деления по национальным признакам! Представляете? Не будет никаких национальных республик! Нарезут Союз на кусочки – как Штаты, к примеру, и будут выращивать новую поросль – советский народ! В докладе говорится, что предыдущим руководством

СССР, начиная с самого Ленина, допущена гигантская и фатальная ошибка: страну разделили по нациям, разобщили, и вместо того, чтобы воспитывать народ в духе советского общества, выращивать новую нацию – «советский народ», поощряли махровый национализм и сепаратизм! Видали, как звернул ваш Шелепин?! Поощряли сепаратизм! То есть теперь они желают, чтобы не было никаких наций, кроме одной: советского народа! И что они прекращают поддержку любых самоопределений нации, даже если это будет народный эпос, песни и народные костюмы. Не будут наказывать, если кто-то станет сохранять национальные черты, но и государственной поддержки теперь не будет! Вы понимаете, что это значит?

Еще бы я не понимал, если сам все это Шелепину в письмах и описал! Неужели все-таки решились?! Неужели настолько набрали силы?! Хорошо. Это хорошая новость! Теперь – никакой бандеровщины, никаких незалежностей и маленьких, но гордых народов! Кровь будет, да – но совсем не большая, в сравнении с той кровью, которая прольется в мое время. Главное, чтобы вовремя обнаружили ростки сепаратизма и вытоптали, вырвали их с корнем! Но думаю, с этим проблем не будет. Если умудрились прихлопнуть Брежнева – уж сепаратистам-то как-нибудь укорот они дадут.

– Вот видите – сказал я Фишману, вклинившись в его монолог – Все меняется! Страна становится сильнее, будет жить богаче. Скоро вот так подумаете, подумаете, да и вернетесь к себе домой, в Питер!

– Как вы сказали? В Питер? – Фишман усмехнулся – вы сами не оттуда родом? Только ленинградцы называют свой город Питером.

– Нет, я не оттуда родом – тоже улыбнулся я – А что там еще сказано? В газете? Я не успел прочитать сегодняшние газеты, это ведь сегодняшняя?

– Да, только сегодня получил. Мы покупаем советские газеты... от американских меня просто тошнит. Впрочем – и от советских тоже. Но других-то нет, приходится читать! Надо же знать, что там в родном городе происходит!

– А зачем? – вкрадчиво спросил я – Если не собираетесь возвращаться? Зачем вам знать, что там в Питере?

– Сам не знаю – Фишман тяжело вздохнул – Тянет туда все равно. Я ведь всю жизнь там прожил. Блокаду пережил – я тогда на заводе работал. Если бы не рабочая карточка – помер бы с голоду. Мы спали прямо в цеху... Худо было, но родной город этим сволочам не сдали! Это мой город... если бы вы знали, меня туда тянет! Но свобода дороже! – яростно заявил он, будто стараясь себя убедить – Тут все возможности для предприимчивого человека! И вы лучше меня это знаете.

Он замолчал, и сидел поджав губы минуту, не меньше. Я его не торопил, ничего не говорил. Наконец он поднял на меня глаза и со вздохом сказал:

– Дайте мне слово, что вы не обидите мою девочку!

– Даже и в мыслях не было ее обижать! – не выдержал и фыркнул я – Умница, красавица, комсомолка, спортсменка! Ну как ее можно обижать?!

И вдруг понял – на кого похожа Ольга! На Варлей! Ну чуть ли не одно и то же лицо! И прическа каре, и рост примерно такой же. Только Варлей мне кажется... поплотнее, «помясистее» – она все-таки бывшая цирковая артистка, акробатка, накачана с детства. Хотя Ольга судя по всему тоже довольно-таки крепкая барышня. В лавке тепло, руки ее обнажены по плечи, так вот бицепсы на руках выделяются как у настоящей спортсменки. Что кстати и немудрено – попробуй-ка, попечатай на машинке целыми днями! Это и на ноутбуке на так уж и просто, а уж на пишущей машинке – так вообще превращается в подобие спорта. Кроме того насколько знаю, она и физкультурой не пренебрегает.

– Вы интересный человек, Михаил – улыбаясь, говорит Фишман – И не стесняйтесь говорить правду в глаза.

– Стесняюсь, Лев Моисеевич – тоже улыбаюсь я – Правда... она... не всегда нужна. Зачем обижать человека, портить ему настроение, если все равно ничего изменить нельзя?

– Сомневаюсь, что вы полезете в карман за словом, если кто-то вас обидит. Знаю я таких людей! Мягко стелете, да жестко спать... Хмм... говорите, в Питер вернуться? Хочу ли? Господи, да он мне снится! Его дворы-колодцы! Его набережные! Его мосты! Закрою глаза... и вот он, мой город!

Фишман и правда прикрыл глаза, и секунд пять сидел так, будто ему трудно смотреть на свет. Потом посмотрел на меня, спокойно наблюдающего за собеседником, и голосом, в котором чувствовалась боль, спросил:

– Вот вы умный человек... деловой человек! Молчите, не возражайте! Вы добились, значит, вы умный и деловой, а я вот можно сказать влачу жалкое существование, о котором точно никогда не мечтал – и не хотел такого. Вот вы скажите: я правильно поступил, уехав из Союза? Есть у Союза будущее, или нет? Вот свершились там... у нас... некоторые перемены – и серьезные перемены! Как думаете, во что это выльется? И зачем они теперь меняют всю структуру страны? Хотят уничтожить национальности? Не кажется ли вам это глупостью несусветной? КАК можно сделать еврея гоем, а гою евреем? Как грузин может забыть о своих корнях, а русский стать не русским, а советским человеком? Как так может быть? Что они творят?

– А вы разве не поняли? – я с некоторым удивлением посмотрел в глаза ювелира
– Ну вот представьте себе, что настало некое... смутное время. И вот эти все маленькие, но гордые республики, которые испокон веков сидели на шее России, вдруг осознали себя великими, могучими, и решили отколоться от Союза.

– Такого никогда не будет! Такого не может быть! – пренебрежительно отмахнулся Фишман – да кто же им даст отколоться?! Танками раздавят!

– Представьте, что во главе страны встал жалкий марионетка зарубежных спецслужб, пустозвон, предатель, которому все равно, что будет с его страной. Ну, вот получилось так! И он упустил вожжи из рук. Нарочно, или по своей непроходимой глупости. А высшие руководители республик вдруг подумали: а не пришла ли уже пора взять себе суверенитета больше, чем они сейчас имеют? Как можно больше! Лучше быть главным на своем болоте, чем прозябать под пятой царя зверей! Договорились между собой, и... организовали заговор. Разделили страну!

– Вот видно, что вы фантаст! – довольно улыбнулся Фишман – И что делало КГБ?! Куда оно девалось?

– Я же сказал – главой страны стал агент спецслужб запада. И первое, что он сделал – послал своего человека на место председателя КГБ с одной и единственной целью – развалить эту организацию. Уничтожить! Выгнать из нее

всех лучших специалистов, оставив лишь казнокрадов, бездельников, думающих только о том, чтобы набить свой карман. То есть выполнил то, чего хотели зарубежные кураторы. А чего они конкретно хотели? Чтобы никто не мешал толпе негодяев растаскивать Союз по своим вотчинам! Чтобы не мешали его грабить!

- Жуткая картина - Фишман даже передернулся - Отвратительная антиутопия! Я считаю, что такого быть не может, но мне интересно вас слушать. Вы будто бы рассказываете сюжет своей новой книги! Только эту книгу никогда и ни за что не издадут в Союзе! Но так что потом? После того, как развалился Союз? Зажили эти республики?

- Республики - нет. Они привыкли жить за счет Большого Брата. Первое время они радовались, кричали, как теперь заживут, когда не будет москалей, потом начали продавать то, что им оставил Советский Союз - оружие, технику, все, до чего дотянулись жадные руки бессовестных руководителей новых стран. И очень сильно на этом нажились - сделали миллиарды долларов! А народ вконец обнищал. Банально нечего стало есть! Зимой замерзали, потому что нечем было платить. В России - пенсионеры примерзали к полу, потому что батареи центрального отопления не работали. Еще немного, и США захватили бы Россию голыми руками. Самолеты не летали - нет горючего. Военные месяцами не получали жалованье. Танки ржавели на парковках - не было горючего. Народ нищал, спивался и воровал. Верхушка воровала помногу, низы - понемножку. Но воровали все. Налоги платить? Да не смешите! А откуда тогда деньги в бюджете? Чем платить учителям и врачам? Значит - взятки. За медицину, за учебу.

- Страшная ваша книжка... просто ужасная! - тихо пробормотал Фишман - И чем кончилось? США захватили Союз?

- Захватили. Вначале все мелкие отколовшиеся страны, которые стали буквально рабами США и делали все, что пожелает заокеанское руководство, потом и Россию. Почти захватили Россию - без всякой войны, без ядерных ракет и бомбометаний. Долговыми обязательствами, пропихиванием в руководство страны своих людей - захватили. Выиграли холодную войну.

Я замолчал, задумался... что-то я увлекся! Даже разволновался. Действительно - сейчас, в 1972 году все это звучит как жуткая, безумная утопия. Хоть и кричат американцы, что Союз - это колосс на глиняных ногах, но не больно-то

торопятся напасть на колосса! Такого пинка колосс даст своей глиняной ногой – мало не покажется! В кашу раздавит! Немцы некогда тоже думали, что стоит им напасть на Союз, так тут же им плюшки с неба повалятся. А что вышло? Повалились, но не плюшки, а плюхи! Да такие, что бежали до самого Берлина и потом десятки лет опомниться не могли!

– Ну а потом? Потом чем все закончилось?! – нетерпеливо прервал мои мысли Фишман – Неужели стране конец? Неужели такая огромная, такая сильная страна так просто сдалась?! Немцам не сдалась, а тут... легла под Штаты?!

Смешно. Советское из человека никак не вытравить! Вот человек – ругает советский строй, вырвался из Союза правдам и неправдами, оставив там все нажитое праведно и неправедно, и казалось бы – ну что ему Союз? Ну сдох, да и черт с ним! А он не может спокойно слышать о его гибели. Он не может просто так взять, и отдать его чужакам! И не на обожженных скалах Иерусалима его земля обетованная, а там, на гранитных набережных старого Питера! Там, где люди пугаются, увидев солнце – ибо этот странный диск видят редко, по счастливым, запоминающимся дням! Он там родился. Он там выжил, пережив блокаду. И не может так просто взять, и отдать свою память, свою юность каким-то там чужеземным захватчикам. Парадокс!

– Ну, так что дальше? – не унимался Фишман – Теперь понимаю, почему ваши книжки нарасхват! Это надо же придумать такой сюжет! Вот это фантастика, так фантастика!

– Дальше? – задумался я – Дальше созрел другой заговор. Группа патриотов, выходцев из недр КГБ, военных и просто хороших людей, организовали свержение руководителя страны, к тому времени уже совершенно спившегося, деградировавшего и бросившего страну на растерзание волкам. Ему сказали, что на листе отречения окажется либо его подпись, либо его мозги. Он подписал и ушел на покой, предварительно обеспечив свою родню всем, чем мог – сделав их миллиардерами. При этом ему обещали, что его семью и родню не тронут, что не станут отбирать наворованные богатства. Во главе страны встал молодой гэбэшник – честный, умный, просчитывающий каждый шаг. Кадровый разведчик. И пошло возрождение. Восстановили КГБ, разогнали олигархов, которые настолько к тому времени обнаглели, что назначали своих министров и других руководителей высшего звена. Кого пересажали, кого пристрелили. Восстановили армию и флот. Кстати, если бы не ядерное оружие и не военные, которые будучи голодными, нищими, поддерживали его в исправном состоянии

и следили за врагов – скорее всего, страны бы не было. Ее ждала участь колоний США и Британии. Тяжко пришлось стране – НАТО придвинулось в упор, окружило Россию барьером из русофобских, продажных режимов-сателлитов США. США стало служить всемирным жандармом, разжигая по всему миру войны и уничтожая режимы тех стран, которые не желали подчиниться их власти. И только Россия держалась, неподвластная разлагающему влиянию Запада. Я бы мог много рассказать о том, что может быть в этой книге, но... это займет слишком много времени. И теперь, как я думаю, такого сценария не произойдет. Я слышал о Шелепине – это решительный, честный и деловой человек. И уверен – мы еще увидим перемены. Первый шаг уже сделан.

– О боже ж мой! Вы так рассказывали, что я это видел! – покачал головой Фишман – не дай бог такое может произойти! Говорите, уже не произойдет? Надеюсь! Очень надеюсь!

– Что касается того – правильно ли вы уехали из Союза, или не стоило этого делать... вы должны знать это лучше меня. Вот что вы сейчас чувствуете – так значит оно и есть. Вы хотели быть самостоятельным, получить свободу. Вы ее получили? Теперь вы счастливы? Дочка ваша – счастлива? То-то же... Союз надо переделывать, нужно изменять его. В том состоянии, что он был при Брежнев – Союз не жизнеспособен. Хрущев, а потом и Брежнев паразитировали на достижениях советского строя, которые были достигнуты еще при Сталине. Какой ценой эти достижения были получены – другой вопрос. Но они были.

– Но согласитесь, здесь возможностей для бизнеса больше, чем в Союзе! Вот вы же здесь разбогатели! А там не могли!

– Почему это? Я и там разбогател. Я там купил себе большую кооперативную квартиру. У меня было много денег. И то, что я здесь заработал больше – это можно сказать чистая случайность. И я не собираюсь оставаться здесь на всю жизнь. Вот закончу свои неотложные дела, да и съезжу на Родину. А потом – снова сюда. А после во Францию! Или в Германию! Или на Мальдивы! Куда хочу, туда и поеду. Вот так.

– Вот так... – грустно повторил Фишман – А я не знаю, куда мне деваться. И тут не нужен, и там уже чужой... Ладно, что уж теперь. Забирайте дочку. Может у нее с вами сложится. Она умненькая, а тут за прилавком прозябает, киснет... За что это ей? Из-за меня здесь оказалась. Насчет ее сына не беспокойтесь, он не помешает работе. Моя Розочка во внуке души не чает. Ольга вот только

тосковать будет. Вы время от времени уж отпускаяйте ее повидаться с сыном, ладно?

- Да что у меня, рабство, что ли?! - рассмеялся я - я могу, если понадобится, ему и няню нанять! Просто скоро нам нужно будет уехать в Голливуд, начинаются съемки фильма, в котором и я играю небольшую роль. Потому несколько недель придется прожить без него. Как она, выдержит?

- Выдержит! - отмахнулся Фишман - Дело прежде всего! Ох, жизнь наша... вот видите - сколько мы с вами сидим здесь, и ни одного клиента! Вот что делать? О! Хотя - вот и клиенты! Видите, вы мне приносите удачу! Хе хе хе...

Я услышал, как прозвенел колокольчик на двери, а потом... потом услышали крики - кричал мужчина, истерично, визгливо, растягивая слова, как российские блатные, и у меня тут же заохлодело внутри: опять! Я будто притягиваю неприятности!

- Да черт бы их побрал! - выругался Фишман - раз в год как минимум меня грабят! И взять-то нечего, так они думают у меня здесь золотом завалено! Поганые черные ублюдки!

Дверь распахнулась, и действительно - на пороге появились «поганые черные ублюдки». Уж не знаю, из какой они банды, но то, что из банды - совершенно точно. Полуспущенные штаны (высший шик уголовного элемента в Штатах, и наверное не только в Штатах), кроссовки, на головах капюшоны. Видеокамер в этом времени еще нет, запись не ведется, потому капюшоны на голове вроде как и ни к чему, но они упорно их натягивают, вероятно считая такое признаком охеренной крутости. Как и круто держать пистолет обязательно завалив на бок, и при этом поднося над головой будто для удара стволом, будто копьем. Ну вот такой стиль у этих парней! Типа - так козырные жиганы у них ходят!

Интересно, как можно попасть из пистолета, держа его таким образом, даже если ты находишься всего в трех метрах от цели? Чертовы пижоны - понты, это для них вся их жизнь!

Впрочем, на таком расстоянии трудно промахнуться, даже если при этом ты держишь пистолет зажатым между ягодицами. Главное - направить его в нужную сторону.

– Деньги давай! Золото давай! Быстро! Быстро! – завопил тот, что стоял впереди, как-то странно извиваясь, вихляясь при разговоре и тыча стволом в направлении Фишмана. Лицо грабителя блестело от пота, а глаза блестели лихорадочным блеском – то ли находится под наркотой, то ли так сильно возбужден. Молод, лет двадцать, не больше – тощий, длинный, с какой-то извилистой, странной татуировкой на щеке.

Второй, что выглядывал из-за его спины, наоборот – плотный, даже толстый. Тоже в спадающих штанах, и тоже в ветровке с капюшоном на голове. Только в руке он держит не автоматический «кольт», а револьвер вроде полицейского «Смит и Вессона». И что мне очень не понравилось – лица их открыты. Скорее всего, нас в живых оставлять они не собираются – а вдруг мы их узнаем?

И похоже, что в лавке был еще и третий их «коллега» – я услышал крик Ольги, после которого Фишман вскочил с места и бросился из-за стола, движимый инстинктом защиты своего потомства. Ну и нарвался. Тот, что с пистолетом, видимо от испуга пальнул в ювелира, едва не перебив ему шею – пуля чиркнула по коже оставив на ней глубокую кровавую черту.

Больше он выстрелить не успел. Пока этот придурок вихлялся у дверей, моя рука скользнула в подмышку, пальцы откинули клапан-держатель, ладонь легла на рифленую рукоятку, сжав один предохранитель, палец сдвинул другой... все, готово! Патрон всегда в патроннике – это закон! Я не пугаю – я сразу стреляю!

Пуля сорок пятого калибра имеет огромное останавливающее действие. Если бы я стрелял в корпус, то негодя отбросило бы метра на три, не меньше. Но голова, являющаяся предметом темным (особенно у негров – они же чернокожие!), никакого сопротивления тяжелой пуле, пущенной с расстояния в три метра оказать не могла. Вот сейчас была голова у придурка – целая, хоть и глупая, а через мгновение – ее уже и нет. Вернее, так – нижняя часть головы на месте – нос, губы-челюсти, а верхней половины вместе с мозгом – уже и нет.

И тут же пулю впритирку к еще не успевшему упасть туловищу – в живот толстяку. Вот тут останавливающее действие во всей красе – его отшвырнуло от дверей, будто пинком, он даже выстрелить не успел, как уже валялся на полу. Пуля скорее всего попала в печень, а с такими ранениями люди долго не живут – умрет если не от потери крови, то от болевого шока – это точно.

На близком расстоянии я бы предпочел дробовик 12-го калибра с пятимиллиметровой картечью в патроне, но пуля сорок пятого калибра тоже очень недурно, особенно если тебе нужно попасть в грабителя, а не в заложника.

Заложником была Ольга. Их было двое – один прятался за девушкой, прижав ствол к ее затылку, другой присел за углом прилавка, выставив оттуда ствол пистолета. У того, что держал Ольгу, был видны только правый глаза и половина лица, тот, что за прилавком почему-то истошно визжал, а когда я перешагнул порог каморки ювелира и оказался в торговом зале, начал стрелять в белый свет, как в копеечку, не глядя, куда стреляет и продолжая мерзко завывать. А потом бросился бежать к выходу – когда в револьвере закончились патроны.

Пуля перебила ему позвоночник и вышла через грудь, бросив грабителя лицом на стекло витрины, в которой стояли три самовара, матрешки, и два медных складня девятнадцатого века – видимо привезенные с собой эмигрантами еще из старой России.

– Брось пистолет! Брось! – истерически завопил парень, который держал ствол у головы Ольги – Я ее сейчас убью! Убью!

– И тогда умрешь сам – спокойно ответил я – Отпусти ее, и обещаю, что я тебя не убью.

– Ствол брось! Брось! – этот охламон меня точно не слышал. Глаза по плоске, рука дрожит, парень неспособен что-либо воспринять логически. И наоборот, в отличие от бандита – Ольга спокойна, насколько можно быть спокойной, когда тебя держат за волосы, загибая голову назад, и при этом затылком ты чувствуешь холодный ствол пистолета. В такой ситуации любой мужик разволнуется, не то что не привыкшая к «экшну» молодая женщина!

Я показал ей глазами и дернул головой в сторону – поймет, или нет? Она поняла. Выждала секунды три, давая мне изготавиться, и с силой рванула голову вбок, освобождая мне биссектрису выстрела.

Пуля ударила ровно в переносицу негодяя, снесла ему полголовы, забрызгав Ольгу кровью и мозгами, а рука грабителя, автоматически сжавшаяся в момент

смерти, так и не отпустила ее густые черные волосы, постриженные прической каре. Ольга взвизгнула, когда труп потянул ее на пол, схватилась за голову, но рука бандита разжалась и девушка удержалась на ногах.

Я не задерживаясь на месте шагнул к выходу из магазина, и как следовало ожидать, увидел неподалеку старый ржавый «кадди» пятидесятих годов выпуска, в котором за рулем сидел молодой чернокожий парень лет восемнадцати-девятнадцати от роду. Увидев меня, решительно шагающего в его сторону с пистолетом в руке, он забеспокоился, задержался, видимо разыскивая оружие, лежащее между сиденьями, попытался выставить ствол в окно, и тут же получил пулю в переносицу, забрызгав кровью все лобовое стекло.

Пятый. Все, теперь комплект. Вряд ли они ездят в машине по шесть или семь человек – даже в «кадди» было бы тесновато.

Издаലെка, через дорогу на меня смотрели люди, прижавшись к стене соседнего дома, кто-то бежал прочь, кто-то наоборот встал, и смотрит, прижимая ребро ладони к бровям эдаким козырьком – и это скорее всего наш советский эмигрант, потому что только наши будут вот так стоять и смотреть: «Кто же это там стреляет?!». «Коренной» американец, насколько я знаю, в таких ситуациях или падает на землю, или бежит, срочно отыскивая достойное укрытие. Только бывший советский народ будет пялиться на подобное безобразие, рискуя получить пулю в свой драгоценный организм.

Вернувшись в лавку я поморщился – воняло тут просто-таки отвратно. Во-первых, кровью. Во-вторых, нечистотами – похоже, что умирая эти кадры наделали в штаны. И в третьих – пуля, попав в живот толстяку разворотила ему всю брюшину, и оттуда шел очень даже неприятный запах вонючих кишок. Впрочем – этот тоже после выстрела наделал в свои отвисшие штаны. Смерть не бывает красивой, кто бы там что ни говорил, но она бывает еще и грязной, вонючей, а это уже совсем даже нехорошо.

Подумалось – а может его добить? Ну чего он мучается, дергается, стонет и завывает на полу? А потом подумал – нет уж, пускай с ним полиция займется. Повезет – выживет, не повезет – сдохнет. Хотя шанс выжить здесь составляет... хмм... меньше, чем выиграть в лотерею, фактически этот жирняк уже и покойник. А я не добрый самаритянин, чтобы облегчать его страдания за счет своего... понимаешь ли... спокойствия – добей его, а потом и затаскают по судам, да прокуратурам – «он ведь не представлял уже никакой опасности, и зачем вы

его тогда доби́ли?» Пусть мучается, плевать мне на него.

А потом началось: полицейские сирены, толпы всевозможных патрульных, несколько детективов, какое-то большое начальство в красивых мундирах, журналисты, любопытные за ограждением – в общем, обычный набор тех, кто оказывается на месте преступления, когда все уже благополучно закончилась. Или неблагополучно – для тех, кто остался лежать на земле в луже крови.

Раненый бандит долго не прожил. Приехавшая скорая помощь констатировала смерть, и обработав рану на шее ювелира, врачи просто заклеили ее пластырем и спокойно убралась восвояси. Настало время криминалистов.

Меня узнали сразу, что тоже абсолютно немудрено – уж очень я нарисовался на экранах ТВ. Но это был тот случай, когда известность совершенно необходима. Со мной разговаривали почтительно и допросив, спокойно отпустили меня восвояси.

Фишмана с дочерью тоже допросили, и тоже на это не ушло у них слишком много времени. Все было ясно, как божий день – ворвались вооруженные грабители, их нормально перестреляли, ну и... вся недолга. Чего тут расследовать? Трупы на месте, их оружие на месте, даже выстрел, который произвел первый из налетчиков был точно нам в кон. Мы отвечали на агрессию! Железно! Не подкопаешься!

Ольга собрала вещи (она жила рядом, в одном из домов ужасно похожих на хрущевские пятиэтажки), попрощалась с сыном, и скоро мы с ней уже атили по улицам Большого яблока. Почему яблока? Да никто не знает, почему этот город так прозвали. Есть версия, что это слова из некой песни: «на дереве много яблок, и если ты завоевал Нью-Йорк, то получил большое яблоко». Ну, типа если ты влился в жизнь Нью-Йорка, наладил тут контакты в финансовых кругах (а Нью-Йорк это центр финансовой жизни США), то все – ты богат и успешен. Сорвал свое вкусное яблоко.

Лажа, конечно, как и то, что Америка страна равных возможностей, и что здесь каждый имеет шанс подняться над общей массой, заработать кучу денег и стать мультимиллионером.

Как же я? Ну... я – это особое дело. Я ведь человек 2018 года, каким-то чудом перенесенный в год 1970, так что у меня шансов выжить в этом мире больше, чем у хроноаборигенов. Ну... так мне это видится.

Глава 2

После очередной «чистки» города от мусорных элементов вокруг моей личности снова поднялся шум. Да такой шум, что я этого честно говоря даже и не ожидал. На меня обрушились всяческие негритянские организации, обвинившие в расизме и в желании уничтожить все черное население не только Америки, но и вообще – всех во всем мире. И никакого значения не имел тот факт, что эти свободные граждане вошли в ювелирную лавку для того, чтобы нормально лишить жизни ее хозяина, предварительно проверив сейф магазина на предмет нахождения в нем некоего количества драгоценных металлов, столь любимых настоящими «kozyрными пацанами». Главное – факт налицо: белый чувак грохнул «черных братьев», и сделал это уже не в первый раз. То есть у него прямо-таки патологическая нелюбовь к представителям афроамериканского сообщества.

Пришлось даже устроить пресс-конференцию прямо во дворе моего поместья, благо что погода была мягкой, мороз слабым, и вообще – уже повеяло весной.

Журналистов было человек тридцать, не меньше, и еще – два крупнейших телеканала со своими жуткими полустационарными камерами. Я заранее объявил о пресс-конференции, позвонив в редакцию канала NBC, и сообщил, что жду всех желающих у себя в поместье в два часа дня, и что пресс-конференция продлится не более часа. Я отвечу на любые вопросы максимально искренне и полно. Даже на самые идиотские вопросы.

К двум часам дня толпа уже стояла у меня во дворе. Пабло и Серхио на всякий случай заняли позиции с флангов, готовые к любым провокациям, и зорко смотря за тем, чтобы никто не отделился от толпы и не пошел бродить по территории поместья. Мало ли... вдруг бомбу заложат под клиаска мировой фантастики! От этих людей всего можно ожидать...

Само собой, первой начала репортерша с NBC:

– Господин Карпофф! Вы опять убили пятерых чернокожих парней! Скажите, у вас что, патологическая ненависть к чернокожим? Почему вы убиваете только черных?

Лучший способ выбить оружие у моих противников – это задать себе тот вопрос, которые задали бы они. И заранее подготовить на него правильный ответ.

– Никакой ненависти к чернокожим у меня нет и никогда не было! Я советский человек, а советский человек не может испытывать ненависти к другим нациям, к людям с другим цветом кожи. Ненависть у меня только к тем негодьям, которые обижают людей, к тем подонкам, которые не хотят жить честно, которые врываются в ваш дом с оружием в руках и пытаются вас ограбить и убить! И таким людям не будет от меня пощады! И разве я виноват, что грабители оказались чернокожими? Если бы они были китайцами – произошло бы то же самое. Если бы они были англо-саксами – и им бы досталось. Да даже если бы это были карлики-папуасы ростом мне по колено – я бы не стал смотреть на то, как они машут пистолетом и нападают на хорошего человека, моего знакомого, ювелира! Я случайно оказался в его магазине, у меня ностальгия по родине, и я хотел приобрести себе красивые русские старинные вещи, и вот – какая-то банда негодяев собирается помешать мне это сделать! Ну и поплатились за это.

– Господин Карпофф! (А это уже CBS) Скажите, а что у вас за история с британскими букмекерскими конторами? Почему они обвиняют вас в мошенничестве?

– Это печальная история... – я сделал паузу, и натянул на лицо скорбную мину – Как повесть о Ромео и Джульетте! (Смеются). Я любил британские букмекерские конторы, но как оказалось – они меня совсем не любят. Как не любят и всех других клиентов, выигрывающих у них приличные суммы денег (смех). Да, через моего помощника я поставил крупные суммы денег на свой выигрыш а бое с Мохаммедом Али. Замечу – не на проигрыш, а на выигрыш! То есть – я не мог знать исхода поединка – могла иметь место какая-нибудь случайность, которая помешает мне выиграть поединок, и тогда я бы потерял несколько миллионов долларов ставок. Замечу – поставил не сам, а через помощника – каковое обстоятельство никак не нарушает законов Британии. Эти фирмы сами установили максимальную ставку, и спокойно приняли деньги, явно рассчитывая на то, что какой-то там русский писатель-фантаст естественно и легко

проиграет бой такому маститому, такому великому боксеру, как Мохаммед Али. Который все еще называет себя Величайшим (смех). То есть, они изначально рассчитывали на то, что я проиграю, и что все ставки, сделанные на мой выигрыш – сгорят. И вот когда я выиграл – букмекерские конторы встали перед дилеммой – то ли платить и понести огромные убытки, а возможно даже и разориться, или не платить мне ни фунта. Часть из букмекеров выбрали второе, бесстыдно, нагло обвинив меня в мошенничестве. Если вам интересно, я представлю список букмекерских контор, которые обвинили меня в мошенничестве и отказались платить выигрыш. Их хозяева настоящие джентльмены, а как известно – джентльмен хозяин своего слова. Дал слово – забрал слово! Оно ведь принадлежит ему! (хохот). Сейчас одна из самых известных юридических контор США занимается тяжбой с этими конторами, и я думаю – этим джентльменам, хозяевам своих слов, сильно не поздоровится. За жульничество, за обман клиентов нужно наказывать! Нельзя попустительствовать жуликам! А те конторы, которые честно выполнили свои обязательства – они будут жить и дальше. Если хотите – я зачитаю их названия. Это честные люди, которым можно доверить свои деньги. (Я достал бумажку и громко, четко прочитал названия «хороших» контор).

– Скажите, а вы не собираетесь еще раз встретиться с Мохаммедом Али? (мужчина, явно из какого-то спортивного журнала).

– Если только где-нибудь в ресторане, случайно – ухмыляюсь я.

– Само собой, я имею в виду встречу на ринге – тоже улыбается мужчина – разве вам не интересно еще раз испытать свои силы? Вдруг в первой встрече вы победили случайно?

– А разве кирпич на голову падает случайно? – улыбаюсь я – Разве не все в нашей жизни предопределено Провидением? Если хотите – богом? Все в его руках. Захочет, чтобы я выиграл – выиграю. Захочет, чтобы я умер – значит, умру.

– И все-таки – не унимается мужчина – Если вам предложат бой с Али, матч-реванш, вы согласитесь?

– Честно сказать – не знаю, при каких условиях я соглашусь встретиться с Мохаммедом Али! – уже откровенно смеюсь я – Я его просто боюсь! Он же Величайший! Зачем мне подставлять физиономию под его удары? Я и так вполне

обеспечен, и чтобы кто-то опять за деньги бил мне морду? Пусть другие попробуют победить Мохаммеда Али, и надеюсь – выживут после этого. Да, да, не смейтесь, господа! Я считаю Али одним из величайших боксеров нашего времени, и если бы я выступал по боксерским правилам – тут бы мне и конец пришел. Я выиграл только за счет того, что Али во-первых искренне считает себя самым великим и непогрешимым королем ринга. И даже мысли не мог допустить, что какой-то там человек со стороны его победит. И во-вторых, он был не готов к боям без правил. Он выступил так, как привык это делать – как обычный боксер. А я ведь не боксер. Я боец, и я борец. Вот и плачет теперь несчастный Мохаммед, отказавшийся от своего родного имени, страдает и плюется в экран телевизора, когда видит на нем своего обидчика (хохот). Удачи тебе, Мохаммед! Побед на ринге, и будь повежливее с людьми – иначе ведь морду могут набить! (Смеются все – один мужчина даже за живот держится, чуть не упал. Все знают, насколько хамски себя ведет Али со своими соперниками. Просто паскудно себя ведет.)

– Майкл... нередко боксеры кому-то посвящают свой бой – тот же спортивный репортер, и похоже что известный, я где-то его точно видел – Кому вы бы посвятили свою победу?

– Кому победу? – я задумываюсь на секунду, и тут же выдаю – Моей родине, конечно! Советскому Союзу! Это он дал мне возможность выехать в США, это он дал мне возможность стать писателем, и за то я обязан моей стране! Говорят, что из нашей страны невозможно уехать, что у нас кровавый режим – так вот же я! Перед вами! Есть у меня на лице печать кровавого режима?! (смеюсь вместе со зрителями) Так что считайте, что я выступал на ринге ради моей страны!

– Вы коммунист? – это женщина лет сорока со строгим, не улыбочивым лицом. На груди табличка «Таймс». Англичанка?

– Нет, я не коммунист. Хотя и поддерживаю коммунистические идеи о социальной справедливости. Увы, справедливости нет ни при коммунистической власти, ни при капитализме... но вот что я вам скажу, словами, которые приписывают одному историческому персонажу: если в юности вы не были социалистом – у вас нет сердца. Если после сорока вы остались социалистом – у вас нет ума.

– Господин Карпофф! Как вы прокомментируете события, происшедшие в вашей стране? Смену лидеров, последний съезд партии?

– Я поддерживаю нового Генерального секретаря в его желании воспитать новую нацию – советский народ. Это очень правильно. И кстати – соответствует мировой практике. Все эмигрировавшие во Францию – французы! А все, кто живет в США – граждане США. Разве они называют себя кем-то другим? Образовалась новая нация: «американский народ», так почему бы не быть новой нации: «советский народ»? Это очень правильно, это дельно. И я просто счастлив, что у моей страны появились новые руководители – умные, деловые, современные.

– Как вы считаете, у США есть шанс договориться с Советским Союзом? Исключить возможность начала ядерной войны?

– Я вообще исключаю возможность начала ядерной войны! Каких бы политических взглядов не придерживались люди, они обязательно хотят добра своим странам, своим гражданам. Надо быть последним идиотом, чтобы хотеть войны! Мои руководители, руководители моей страны точно не идиоты. А ваши? Разве они хотят войны? Ваш президент Никсон очень умный и взвешенный политик – разве он пойдет на обострение отношений с моей страной? Уверен – нет! Именно потому, что он умный и дельный. И надо отдать должное американскому народу – он выбрал себе умного, делового президента, который заботится о своем народе, делает все, чтобы будущее страны было безоблачным! Уверен, руководители моей страны найдут точки соприкосновения с господином Никсоном, и вместе они сделают так, чтобы Америка никогда не усомнилась в том, что нас ждет только мир и дружба! И знаете, что я вам скажу. Господа... открою вам тайну! Только тсс... никому не говорите... ну если только вашим читателям и зрителям... а так – больше никому! (Смешки и тишина. Держу паузу). Мы, русские, такие же раздолбаи, как и вы! Мы так же любим шутить, радоваться жизни! Мы так же не хотим войны и любим своих детей! У нас такие же руки, ноги, и другие части тела – как и у вас! Мы с вами похожи, как две капли воды! Так чего же нам делить?! Земля она для всех! Счастья всем! И пусть никто не будет обижен!

– А точно у вас, русских, все части тела такие же, как у наших мужчин? – это молоденькая девчонка, видимо репортерша какой-то из молодежных газет или журнальчиков – А может все-таки отличаются? (Хохот, улыбки, шум.)

– Дорогая мисс... не знаю, как вас звать... так как я не знаю, с какими мужчинами вы успели плотно пообщаться, и вряд ли эти мужчины демонстрировали бы мне

все свои части тела так охотно, как вам (хохот усилился), то ничего определенного по этому поводу сказать не могу. Демонстрировать же особо скрытые свои органы прямо перед толпой репортеров я не могу – потому что это будет воспринято как неуважение к морали, и к журналистам в частности. Но если вы останетесь после брифинга и пожелаете узнать точнее – я смогу удовлетворить ваше любопытство. Если у вас будет желание, конечно. И если не будет против моя подруга Найна. Только боюсь, что она будет против, а когда она против – сопернице ее не позавидуешь – Найна очень хорошо дерется и стреляет. Кстати, скоро она снимется в одной из главных ролей нового фильма по моему сериалу «Нед». Уверен, этот фильм просто взорвет кинорынок! Увидите, это будет хит!

Репортеры ржали, хлопали в ладоши, а к чести репортерши, задавшей провокационный (или шутливый?) вопрос, она позволила себе немного покраснеть. Хотя и довольно улыбалась. Само собой – были довольны и остальные репортеры: они хотели шоу, я дал им шоу. Неважно – что говорит звезда, важно, чтобы это было интересно. Шоу должно продолжаться!

Вообще, каких-то особенно гадких, провокационных вопросов как ни странно и не было. Нельзя же назвать провокационным вопросом вопрос о смене власти в СССР? Действительно ведь – это очень важно для всего мира, и кого как не жителя СССР, да еще и писателя с мировым именем об этом спросить? А в остальном прошло все именно так, как того ждут зрители и читатели Америки: спорт, шоу и все такое. Веселись, народ!

Вечерние газеты вышли с заголовками: «Русский писатель Карпофф назвал президента Никсона деловым и умным человеком!» «Советский писатель Карпофф надеется на дружбу американского и советского народа!» «Русский писатель Карпофф предложил репортерше молодежного журнала тайно уединиться, чтобы показать ей что-то интересное!» – ну это уже желтая пресса. Надо же им что-то писать? Пусть себе пишут. Жить-то им на что-то надо!

«Русский писатель Карпофф заявил, что победу над Али он посвящает своей стране!» «Писатель Карпофф заявил, что разорит букмекерские конторы, жульнически разоряющие своих клиентов!» – ну это вранье, я такого не говорил. Я вообще воздерживался от слов «жульнически» и все такое. Хотя из моих слов и было понятно – «Вы жулики, господа!». Но попробуй подкопаться!

А на следующий день меня посетили неожиданные гости. Хотя – почему неожиданные? Меня не беспокоили с прошлого года, пора бы уже и навестить бунтаря.

Симонов, Николай Васильевич – а это был именно он. Советник посла СССР. Ну и ясное дело – кадровый разведчик. Приехал он один, без сопровождающих (в прошлый раз их было трое). Когда Пабло сообщил мне о том, что у ворот стоит Симонов, первое, что я спросил – один он, или с сопровождающими. Нет, так-то я не опасался, что меня выкрадут, либо убьют – что я, мальчик, что ли? Хрен ты меня голыми руками возьмешь! Но все-таки, надо быть осторожным.

Пришлось прервать работу ради такого случая, что не улучшило мне настроение – я работал очень интенсивно, и Ольга мне в том была просто спасением. За эти три дня, что она работала на меня, я убедился, что не ошибся, взяв ее к себе на службу. Феномен – по-другому ее и не назовешь! Как она печатала – это просто песня, на загляденье! «Так-так-так говорит пулеметчик! Так-так-так говорит пулемет!»

Принял я Симонова у себя в кабинете. Ольгу отправил отдыхать – незачем ей слышать лишнего.

Симонов за эти месяцы ничуть не изменился – все такой же незаметный, серый, тусклый, как и подобает настоящему разведчику, способному затеряться в толпе, даже если эта толпа состоит из трех человек. Пожатие его было крепким, рука сухой. Не люблю здороваться с людьми, у которых влажные, липкие ладони. То ли они вспотели от волнения, потому что чел строит мне козни, то ли по жизни рук не моет, и только что в сортире лазил ими где-то в интимных и непотребных местах – неприятно.

Короткие ногти без траурной каймы, сухие, чистые ладони, крепкое, не вялое, но и не костедробительное рукопожатие – вот как должен здороваться правильный мужчина.

Мы уселись у горящего камина – хоть и начало весны, на улице плюсовая температура, но ветрено, сыро, и сидеть у камина самое то. Поленья трещат, чуть-чуть пахнет дымком и хвойной смолой (от поленьев, что ждут своей очереди возле зева камина), а благодатное тепло ласково обволакивает твой уставший организм, расслабляя и навевая добрые мысли. Хорошо!

– Слушаю вас, Николай Васильевич – улыбнулся я собеседнику, и тот спокойно кивнул:

– Не забыли мое имя?

– Ну... если это только ваше имя – пожал я плечами – нет, не забыл. У меня вообще память хорошая!

– Говорят, что память у вас абсолютная, и вы помните все, что сказано, написано, и вообще все, что видели вокруг вас – констатировал Симонов, явно не ожидая ответа, но я ответил:

– Не буду скрывать. Все именно так. Николай Васильевич, вы отвлекли меня от работы. Мое время очень дорого стоит. Не ходите вокруг да около, сообщите мне цель вашего визита! Если это в очередной раз предложение срочно вернуться в Союз, то сразу скажу – вернусь, но не сейчас! Сейчас мне нужно снять два фильма, дописать очередную книгу – для чего я даже вынужден был нанять машинистку – и только тогда я сочту, что пришло время вернуться. Если только не возникнет еще какая-то проблема. В настоящее время я очень, очень занят!

– Вам привет от товарища Шелепина – тихо, вполголоса сказал Симонов – Он сообщает, что принял к сведению все, что вы написали ему в докладе, и очень надеется на дальнейшее сотрудничество. И да – он был бы очень рад, если бы вы приехали в Союз. Он гарантирует вам свободу и безопасность, вы ни в чем не будете ущемлены. В том числе и в деньгах. Ваши капиталы, которые вы заработали за рубежом, останутся при вас – никто на них не претендует. Вы можете ими пользоваться где и как захотите. Вы сможете свободно выехать в любую точку мира, когда захотите.

Он помолчал, опустив взгляд к полу, потом как-то подобрался и торжественно, строгим голосом объявил:

– Извещаю, от лица советского правительства, что вас, товарищ Карпов, наградили звездой Героя Советского Союза и орденом Ленина. Поздравляю!

Я встал, вытянулся во фронт, и гаркнул (вполголоса):

– Служу Советскому Союзу!

И так же вполголоса добавил:

– Смейтесь? Это что, шутка?

– Какие шутки? – лицо Симонова оставалось серьезным – такими вещами не шутят! Вот указ о награждении (он протянул мне бумагу). Подписи видите?

– А за что конкретно наградили? – пробегаю глазами бумагу, точно, указ о награждении. Моя фамилия, тмя, отчество.

– Это уж вам виднее – за что наградили! – Симонов не улыбается, все так же серьезен и торжественен – И товарищу Шелепину с другими доверенными лицами. Общая формулировка – за вклад в безопасность и благополучие СССР. Теперь вы понимаете, насколько вас ценят, и насколько вы дороги родной стране?

– Понимаю – обреченно кивнул я, и подумал о том, что вообще-то цель оправдывает средства, и ради того, чтобы вернуть меня в Союз все средства хороши. Может я конечно и параноик, но честно сказать – мои параноидальные рассуждения вполне укладываются в теорию «все средства хороши». И тот, кто верит политикам, а тем более спецслужбам – абсолютный идиот.

Тут ведь как – ничего личного, если нужно для дела – можно уничтожить любого. Или закрыть его в клетке. Или наградить любого. Интересы государства превыше всего! Потому не надо мне рассказывать о добрых и праведных политиках. Не верю я в них.

– Я очень ценю эти государственные награды – медленно, тяжело сказал я – Не знаю, заслужил ли я их на самом деле, но надеюсь – заслужил. А еще – считаю их авансом и постараюсь отработать по-полной. Хотя по большому счету сделал для государства уже все, что мог. Запоминаете? (Симонов кивнул) Передадите товарищу Шелепину. Как я уже сказал – приехать в Союз пока не могу. У меня тут куча дел, и таких, на которые завязаны множество проектов, а не в моих привычках бросать дела и оставлять доверившихся мне людей. Когда все завершу, тогда и приеду, хотя и не вижу, зачем это так уж и нужно советскому руководству. Ведь как я сказал – передал уже практически всю важную

информацию товарищу Шелепину, и теперь он может с ней делать все, что угодно. Кроме того, несмотря на то, что родная страна так высоко оценила мою работу, я прекрасно помню, что меня вообще-то хотели похитить, а еще и ликвидировать, для чего собирались использовать мою подругу Нину. И я считаю это совершеннейшим паскудством. И не верю спецслужбе, которая могла додуматься до такого безобразия. Сегодня вы меня награждаете, а завтра возьмете, и грохнете? И скажете, что помер от разрыва сердца, да? (мне показалось, или Симонов едва заметно вздрогнул?) Простите, я говорю откровенно и не выбираю выражений. И впредь – никакого двоемыслия, двойного дна в словах и всего такого. Я делаю все, чтобы сохранить Советский Союз, и буду это делать в дальнейшем. Но так, как считаю нужным! И я не верю КГБ, конторе, которая собиралось меня убить. Понимаю, что эта идея исходила от самой верхушки, от Брежнева, но это ничуть не смягчает той мысли, что мое государство, ради которого я стараюсь – вдруг решило лишить меня жизни.

Я замолчал, и попытался взять себя в руки, успокоиться. Симонов не стал встречать – молчал и смотрел на меня, ясное дело понял, что я еще не закончил.

– Вы спросите, какая именно у меня задача? Какова моя миссия? Я вам отвечу: моя миссия в том, чтобы СССР и США не душили друг друга в холодной войне. Чтобы они развивались вместе, чтобы не было гонки вооружений, чтобы эти две страны шли в одном строю! Я – агент влияния. В этой стране я влияю на умы и настроения ее граждан, я рассказываю о Союзе, внедряя в головы людей мысль о том, что нас не надо бояться, что мы добрые люди и хотим только мира. Но если нас обидеть – мы дадим такой отпор, что мало никому не покажется! Понимаете?

– Понимаю – кивнул Симонов, и вдруг усмехнулся – Для того вы устроили тут террор против бандитов? Да про вас уже легенды ходят! Вы вроде как с пистолетом даже в сортир ходите!

– Это все вранье – в сердцах отмахнулся я – С пистолетом? Глупости, конечно! С одним лишь пистолетом! Я с собой беру еще и револьвер! Вдруг что случится с пистолетом?!

Симонов рассмеялся, я тоже улыбнулся, а сам локтем пощупал в подмышке кобуру с «Вальтером ППК». А еще вдруг ощутил нож на предплечье левой руки.

– Я здесь представляю Советский Союз. Успешный, богатый, сильный – Союз. Пытаюсь влиять на настроение людей этой страны. Какой смысл мне сидеть в Союзе, если я могу сделать гораздо больше именно здесь? Фактически – я ваш агент! А вы упорно, с истовостью маньяка пытаетесь меня затащить назад! Это вообще – нормально?!

– Вы сами сказали – это было распоряжение Брежнева – поморщился Симонов – Мы за его действия приносим вам свои извинения. И вы же видите – пытаемся загладить нашу вину как можем. Кстати, вы номинированы на государственную премию. И уверен, вы ее получите!

– Уверен... – вздохнул я, и добавил, глядя Симонову в глаза – вы там Махрова не трогайте! Он настоящий мужик, и профессионал в своем деле!

– Махрова есть предложение назначить министром культуры СССР – небрежно бросил Симонов, взглядываясь в мое лицо, и я его не разочаровал. Мои глаза вытаращились, а челюсть отвисла:

– Да ладно?! Ну ни фига себе!

– Видите, мы умеем ценить дельных людей – усмехнулся Симонов – Потому ждем вас, и надеемся, что вы приедете на родину, как можно быстрее. Товарищ Шелепин лично хотел бы с вами поговорить.

– Опять – двадцать пять! – вздохнул я – Если товарищ Шелепин приедет сюда, я обязательно с ним поговорю. Хотя и не ведаю, что еще такого я ему могу сообщить. Но отъезд на родину в ближайшее время мной не планируется. И вот еще что – американские власти предлагают мне гражданство США. Я отказался, ограничившись видом на жительство. Вы не будете против, если я приму гражданство? Будет у меня два гражданства, Советское и США. Мне так удобнее летать по миру. Скоро я собираюсь слетать в Париж, меня приглашают на выставку, так это лучше сделать будучи гражданином США.

– Меня предупредили, что может возникнуть такой вопрос – Симонов кивнул – Нет, мы не против. Никто вам это в вину ставить не собирается. И вообще – товарищ Шелепин просил сказать, что грядут большие, очень большие перемены. Потому он и хочет, чтобы вы были рядом – в качестве советника. А если вы не в состоянии выехать в ближайшее время, он составил список

вопросов, на которые просит дать ответ.

Симонов достал запечатанный конверт и положил его на столик, стоявший между нами:

– Я не знаю, какие здесь вопросы. Когда вы сочтете нужным ответить, напишите, запечатайте в конверт и позвоните вот по этому телефону (он написал на бумажке номер, показал мне, бумажку сунул в карман). И вот еще что: ваши награды лежат в посольстве. Если захотите их забрать – можете приехать. Либо мы сами приедет и привезем.

– Что с Зиной? – внезапно спросил я, сам того от себя не ожидая – С ней все в порядке?

– Она родила сына, все с ней в порядке. Если хотите – напишите ей письмо, я его передам.

– Нет! – тут же открестился я, чувствуя, как заныло мое сердце. Эх, Зина, Зина... как ты могла вот так меня взять, и отбросить?! Болит душа до сих пор... и сын. У меня – сын!

– Как назвала?

– Михаилом. Миша. Хороший, здоровый ребенок, на вас похож – улыбнулся Симонов – Вот и еще повод побывать дома! Ладно, ладно, я не спекулирую на святых вещах! В общем и целом, я сказал вам все, что хотел. И выслушал вас. Я передам руководству, лично товарищу Шелепину все, что вы мне сейчас сказали.

Все было сказано, говорить больше не о чем Я поднялся и протянул руку Симонову. Он ее пожал, и двинулся к выходу.

Проводив гостя и подождав, пока он не выедет из поместья, я распаковал письмо. Почему-то я ожидал, что там будет что-то личное – например, благодарности, пожелания или нечто подобное. Но внутри были только вопросы – под номерами. Тридцать вопросов, отвечать на которые с бухты-барухты никак у меня не получится. Первые десять касались политики страны, и ошибок, которые были допущены, и которые привели к развалу Союза. Я уже писал об

этом Шелепину, но теперь эта проблема была разбита на блоки, одним из которых рассматривалась проблема откровенных предателей и просто бездарей, допустивших развал страны. Таких, как Горбачев, Ельцин, Бакатин и иже с ними... Второй блок – люди, которые могли бы успешно работать в государственной системе. Ну кто в первую очередь? Путин, конечно. Он еще учится на юриста, и только через три года начнет служить в КГБ. Шойгу – он еще школьник. Но пусть возьмут на заметку. И еще несколько дельных молодых людей, которые скоро составят элиту российского государства.

Впрочем – почему это российского? Советского! Вот сейчас я абсолютно верю, что СССР сохранится!

Ладно, потом еще поработаю. Подумаю над вопросами, напишу обо всем, о чем меня спросили. Надо же отрабатывать Героя и орден Ленина! Странное ощущение – я Герой Советского Союза! Долларовый миллионер! Хочется ржать до упада, и... немножко плакать. Очень уж я уважаю эту награду... заслужил ли я ее? Хмм... а почему – нет? А сколько я спас людей, уберег их от катастроф? А предатели родины, о которых я сообщил руководству страны? Да только одна спасенная жизнь Нади Курченко стоит награды! Нет, я все-таки заслужил, ей-ей заслужил.

– Можно?

За своими мыслями я не услышал стук в дверь, и очнулся только тогда, когда в комнату осторожно, опасливо просунулась голова Ниночки.

– Проходи, Нинусик... садись! – я показал Ниночке за кресло, в котором только что сидел Симонов – Как ты?

– Да я-то хорошо! Учю текст, произношу, тренируюсь. Ты-то как? Кто это был? Из посольства? Так и мечтают тебя заполучить назад?

– Мечтают – кивнул я, и не выдержав, сказал – Мне я наградили золотой звездой героя. И орденом Ленина. Так что теперь ты спишь с Героем!

– Да ладно?! – Ниночка тихонько охнула – За что?! Я думала, звездой героя награждают за какой-то подвиг на войне!

- Ну вот... наградили - пожал я плечами - а за что, то есть государственная тайна. Может за то, что я целую тебя хорошо! Стоит это звезды героя?

- Разве можно шутить такими вещами? - Ниночка укоризненно помотала головой, и я сконфуженно вздохнул:

- Ты права. Не стоит. Ладно, давай поговорим о другом. Как тебе Ольга?

- А что - мне? - фыркнула Ниночка и подмигнула - Главное, чтобы тебе нравилась! Гарем хочешь из нас устроить?

- Я серьезно спросил!

- А серьезно - хорошая девчонка, славная. Не задавака, хотя столько языков знает. Очень тебя уважает, и похоже - слегка в тебя влюблена. Вот я и говорю - ты что, гарем решил устроить?

- Мне и тебя хватает. Иногда тебя даже слишком много! - фыркнул я, и махнул рукой - Иди, зови Ольгу. Работать надо. Выбил меня из колеи этот... соплеменник.

Все трое - Пабло, Ниночка и Лаура уехали в Голливуд в марте 1972 года, и мы остались вчетвером - я с Ольгой, и Серхио с Амалией - отец и мать Лауры, которые работали у меня и садовниками, и дворниками, и поварами, и охранниками.

Серхио был крепким, жилистым мужчиной, решительным и сильным, который в случае чего не постесняется пустить в ход свой короткий дробовик, с которым он не расставался ни на минуту. Амалия тоже прекрасно стреляла, благо что я настаивал на том, чтобы все мои работники хорошо владели огнестрельным оружием. Мало ли как оно в жизни сложится, времена-то сейчас смутные!

Серхио с Амалией, как и Пабло с Лаурой жили в гостевом доме, оборудованном по типу гостиничных номеров, или скорее - небольших двухкомнатных квартир. Вполне достойных квартир, со всеми удобствами. Амалия великолепно готовила, ну а Серхио делал все, что ему прикажут, и все, что считал возможным и нужным сделать. В общем и целом сохранность хозяйства покоилась на его

широких плечах – работать по хозяйству он умел и любил. Тем более за вполне достойную оплату и помимо нее – полное обеспечение питанием и одеждой.

Я умудрился написать очередную книгу из серии «Гарри» буквально за две недели. Если бы не Ольга, печатающая со скоростью пулемета, это бы мне точно не удалось. Но... удалось. И как сказала Ольга, она готова печатать и печатать – работая с моими книгами она даже не устает, так захватывает ее сюжет.

Но и не только в том, что у меня появилась такая замечательная машинистка было дело. Меня просто перло текстом, вдохновение – оно сродни наваждению, болезни! Когда на тебя накатывает, ощущение такое, будто кто-то тебе нашептывает сюжет книги. Это еще Булгаков заметил – говорил, что когда он писал «Мастера и Маргариту», будто кто-то водил его рукой, кто-то нашептывал ему сюжет книги. И я верю, что так оно все и было. Потому что у меня это даже не случай, это самая настоящая практика. Я так в основном и пишу.

Само собой – Страус был счастлив получить очередной роман, в сбыте которого не было совершенно никаких проблем. Мои книги уходили влет, и приходилось постоянно допечатывать и допечатывать все новые и новые тиражи.

Параллельно мы со Сьюзен разработали сценарий первого сезона шоу «Выживший», и тебе она занималась кастингом героев этого самого шоу. Уверен, шоу не просто будет иметь успех – оно произведет настоящий фурор. Ну и принесет денег, конечно. Хотя этих самых денег у меня столько, что... даже немного стыдно быть таким богатым, точно. Но здесь у меня имелись далеко идущие планы.

Через три дня после того, как компания «актеров» уехала в Голливуд, ко мне приехал Страус, предварительно, по телефону сообщив, что разговор у нас с ним будет очень важным. Чем меня в немалой степени заинтересовал – что такое у него особо важное, раз нельзя об этом говорить по телефону?

Приехал он как всегда к обеду – любил у нас поесть, тем более что Амалия очень хорошо готовила русские блюда – например щи из свежей капусты. Ну – или украинский борщ со свеклой (его я люблю больше чем щи – сладкий, красный, со сметаной!). Пирог, пирожки, пельмени – ему нравилось все, за исключением окрошки. Ее он так и не смог оценить по достоинству, впрочем – как и все остальные иностранцы.

Разговор он начал после обеда, когда мы с ним уединились в мой кабинет, к любимому мной камину. Я налил ему виски, Страус накидал в него льда, без которого ни один американец не мыслит выпивки, и хорошенько отхлебнув из тяжелого стеклянного стакана Страус сразу взял быка за рога:

- Нужно повторить бой с Мохаммедом Али.

- Роджер, ты спятил?! - возмутился я - Ты ведь сам говорил, что я совсем крейзи, и что я тебе слишком дорог, чтобы ты спокойно смотрел, как мне на ринге вышибают мозги! Драгоценные мои мозги, между прочим!

- Двадцать миллионов долларов. Ты получишь их вне зависимости от результата боя. Двадцать миллионов. Плюс - известность на весь мир! Тебе этого мало?

- Да мне плевать на эти миллионы! - едва не зарычал я - ты с ума сошел? Он же меня просто убьет!

- Но раньше-то не убил! А ты представляешь, какой поднимется шум? Какое будет паблисити?! Да о такой шумихе можно только мечтать! И не надо на самом деле биться - ляжешь в первом раунде, да и все. Уверен, ты знаешь все лазейки в этих самых единоборствах и сумеешь зал и судей тебе поверить! А я поставлю на твой проигрыш, и загребу кучу денег! И поделюсь ими с тобой. Пополам!

Я смотрел на этого мудака, и думал о том, что в бизнесе не может быть друзей. Здесь только деньги, и ничего больше. Большие деньги, или малые - неважно. Вот человек, которому я можно сказать обязан своей карьерой - если бы не он, я бы никогда не добился такого успеха и не заработал таких денег. Но и он мне обязан - если бы не мои книги, если бы не мои идеи - он бы не поднялся на такой уровень, не поднял бы свой бизнес настолько, что ему завидуют многие и многие бизнесмены. Я его считал если и не другом, то хорошим товарищем, который искренне заботится о моем благополучии. И вот теперь он готов поставить на кон все, и меня в том числе, чтобы заработать десяток-другой дополнительных миллионов. И плевать, что меня могут банально убить! И вот как после этого прикажете верить людям? И так это мне вдруг стало досадно, что...

- Хорошо. Двадцать миллионов, плюс половина дохода от трансляции. И плюс половина дохода от ставок. Как думаешь, сколько даст трансляция? И

букмекерство?

– Трансляция даст еще как минимум двадцать миллионов. В ставки собираюсь вложить миллионов тридцать. Конечно, такого дохода как от твоих ставок в прошлый раз не будет, но думаю, что два к семи все-таки получится. То есть если я поставлю тридцать – получить рассчитываю шестьдесят, как минимум. Это будет хороший куш!

Я тебе бляха-муха устрою шестьдесят! Ты меня попомнишь, мерзавец! У меня кипело в душе, и хотелось дать пендаля этому америкосу! Хрен тебе, а не победа Али в первом раунде! Я все сделаю, чтобы ты потерял свои бабки!

Простился со Страусом довольно-таки холодно. Прежде чем он ушел, я досконально выяснил, откуда возникла такая идея – организовать матч реванш. Как и ожидалось, на Страуса вышел приснопамятный Элайджа Мухаммад, глава секты (или как ее еще назвать – организации?) «Нация ислама». Да, это та самая организация, которая взяла под свое крыло Кассиуса Клея и настолько заморочила ему голову, что он назвался Мухаммедом Али, и выполнял все, что этот чертов Элайджа ни скажет.

Я читал про «Нацию ислама» еще в своем времени, и прочитанное тогда мне очень даже не понравилось. С одной стороны, черные мусульмане (а там были только, исключительно черные!) проповедовали правильные идеи: здоровый образ жизни, отказ от спиртного, азартных игр, от насилия над черными женщинами (кстати – белые женщины не упоминались!), требовали от каждого черного мусульманина умения защитить свою семью от нападения белых хулиганов. Ну что в этом может быть плохого, на самом-то деле? А вот в остальном... отказ от совместной деятельности с белыми в экономической и религиозной сфере, и вообще – полную изоляцию от белых. Жить, изолируясь от белых в стране, в которой преобладает «белое» население, составляя при этом прослойку всего в десять процентов, разбросанных по всей территории США – разве это не идиотские мечты? Но для таких, как Мохаммед Али, эти идеи были очень привлекательны, и казались вполне логичными. Ну что еще ожидать от человека, айкью которого составляет 78? Для сравнения – айкью Тарантино и Билла Гейтса – по 160. Ниже 70 – умственно отсталый. Чуть выше... ну... что-то вроде полудурка. Вот для таких полудурков идеи «Нации ислама» были логичными и привлекательными.

А я вот посмел в прямом эфире рождественского шоу взять, и «опустить» эту организацию и ее веру (кстати, мало чего общего имеющей с настоящим Исламом), а потом «опустил» и «воина ислама», который решил оттоптаться на мне за оскорбление, нанесенное его вере. И вот – заело ребят! Хотят реванша!

Ну, суки, получите вы у меня! И ты, Роджер, друг гребаный – получишь! Лечь в первом раунде, да? Да я сделаю все, чтобы порвать этого Клея!

Мда. Кричать себе, что я его обязательно порву – это, конечно, хорошо. Только вот не обгадиться бы со своим рвением! Благими намерениями... что сделали? Вымостили дорогу в ад. Как бы моими намерениями не вымостили пол в общественном сортире!

Проект договора на бой с Мохаммедом Али мне представили буквально на следующий день, снова к обеду. Страус, само собой. Притащился ко мне такой счастливый, довольный, как если бы уже выиграл у букмекеров сотню миллионов долларов. (Ну я тебя научу, сволочь эдакая!). Приехал на огромном новом лимузине – белом, как снег, притащился вместе со своей неизменной секретаршей-любовницей-подругой Пегги.

Пегги, кстати, уже давно строит мне глазки, всем своим видом показывая, что не прочь оказаться со мной в постели. И не только со мной – насколько я знаю, в издательстве процветают очень даже свободные нравы, или проще говоря – все спят со всеми. Перекрестное опыление, понимаешь ли! Юные мичуринцы!

Откуда знаю? Да Сьюзен мне доложила, когда мы с ней еще регулярно кувыркались в постели. Она сама лично переспала и со всеми мужиками издательства, и с той же Пегги, которая вовсе не чуралась лесбийских отношений. И обе в таком поведении не видели ничего предосудительного, наоборот – такая свобода нравов в начале семидесятых годов в Штатах считалась не только допустимой, но и чем-то в ранге положенности. Вдруг, ни с того, ни с сего в кругах так называемой интеллигенции и просто среднего класса стало считаться, что семья – это устарело, что гомосексуальность – это нормально и забавно, и что частая перемена половых партнеров это лучший, и самый приятный способ познать жизнь во всех ее проявлениях. Во что это выльется потом – я прекрасно помню. Настанет время, когда признание в том, что ты гомосексуалист начнет вызывать слезы умиления на глаза представителей просвещенной общественности, когда церковь (кроме православной!) под давлением голубого лобби в своих рядах разрешит

содомские однополые браки. Я думаю, что истоки всех будущих событий, связанных с гомосексуализмом, лежат именно здесь, в прошлом, в этих веселых и страшных семидесятих годах. И я, находясь здесь, вижу все больше и больше подтверждений этим моим умозаключениям. Не было бы «веселых семидесятих» – не было бы и разгула содомитов в двухтысячных. И это горькая правда.

И кстати сказать, «железный занавес» между СССР и США как раз и позволил уберечь мою страну от такого уровня распущенности, какой потом настал во всем «цивилизованном» западном мире. Да, 90-е сильно повлияли на мораль в моей стране, тлетворная струя с Запада все-таки успела загадить, заразить часть нашего народа, но – не всех. Совсем даже не всех! Нет у нас в двухтысячных гей-парадов! Нет у нас пропаганды гомосексуализма! А отдельные представители гей-сообщества, сиротливо с прогейскими плакатиками стоящие на холоде все пятнадцать минут, пока их не загребнут в теплый участок вызывают лишь омерзение и жалость, как люди, больные проказой либо другой не менее дурной и гадкой болезнью.

Да, я не толерантен, хотя и не буду топтать геев за то, что они уродились такими, психически не вполне нормальными (это не их вина – это их беда!). И не буду мешать им заниматься тем, чем они хотят, в рамках закона и морали – если только эти самые геи не начнут пропагандировать свою сатанинскую ересь, если они не начнут вовлекать в нее детей, несовершеннолетних. Вот тогда – пощады не ждите! Любите твердые предметы в заднице? Значит, сядете на кол!

И в этот раз Пегги тоже строила мне глазки, что как ни странно все-таки вызвало у меня кое-какой отклик. Физический отклик. Дама она была красивая, в высшей степени сексуальная, Ниночка моя уже достаточно длительное время была в отъезде, а я уже как-то по привычке к ежедневному сексу, и желательно – утром и вечером (да и днем могу перехватить небольшую порцию!). Так что ее зерно желания можно сказать пало на удобренное и жаждущее посева поле.

Но я все-таки героически выбросил из головы ветреную Пегги и занялся чтением проекта договора, пытаюсь найти в нем подводные камни и злостные опасные рифы.

Рифов я в договоре не обнаружил, он был будто нарочно прост, как трехлинейка Мосина, так что разобрался в нем без проблем и очень быстро. Составлено для человека, который не может решить задачу: «Человек работает с девяти часов

утра и до трех с обеденным перерывом на час. Сколько часов в день он работает?» Так вот известно, что Мохаммед Али не смог решить эту задачу. А когда ему попеняли на его потрясающую глупость, радостно завопил: «Я же говорил, что я Величайший, но не гений!».

До сих пор ходят споры – нарочно он изобразил из себя идиота, чтобы не попасть в армию и не отправиться во Вьетнам, или на самом деле Али такой полудурок – но факт есть факт, задачу он решить не смог. Его комиссовали, потому что даже для армии США он был слишком, потрясающе придурковат.

Впрочем – не только для армии США. Помню, как мне знакомый врач рассказывал о медкомиссии по учету в военкомате: мажорчик, одетый очень дорого и модно долго не мог понять чего от него хотят, когда его попытались спросить о том, как он понимает поговорку «Куй железо пока горячо». Он долго рассказывал, что железо становится мягче, потому его надо скорее ковать, пока оно горячее. В конце концов ему поставили «1б», то есть – «дебил», и ни в какую армию мажорчик не отправился. Само собой, это называлось не «дебил», а: «Другие органические расстройства личности и поведения, обусловленные болезнью, травмой и дисфункцией головного мозга». При таком диагнозе – никакого тебе водительского удостоверения, никакого охотничьего оружия. Если этот мажорчик и косил таким образом от армии, то лучше было бы ее все-таки повидать, чем на всю жизнь положить на себя эдакое грязное пятно. Ни тебе должности госслужащего, ни научной работы – ни-че-го.

Все время с момента посещения Страуса я думал – надо мне это все, или нет? Зачем мне этот глупый бой? И не лечь ли в самом деле в первом раунде, как этого хотел Страус? Я ведь не профессиональный боец ММА, я писатель, продюсер, а скоро буду и еще... кое-кем. Так зачем мне вся эта чертовщина? Ради дополнительных денег? Ради нескольких десятков миллионов долларов? Да я и те деньги что у меня уже есть, не истрочу за всю свою жизнь! Ну... если только не начну их бросать направо и налево. Истратить-то можно все, что угодно – и деньги, и жизнь, только разные способы трат существуют на этом свете. Можно просто бездарно профукать, а можно сделать нечто такое, что люди запомнят на века!

Итак, зачем мне этот бой? Нет, не только, чтобы натянуть нос Страусу, и не столько. И деньги мне эти хотя и пригодятся, но не так уж и важны. А что же я хочу? Вернее – чего хочу? Шума, паблисити? Да. А еще?

А разве этого мало? За такую рекламу, за такой паблисити иной писатель и душу отдаст дьяволу! Не зря ведь мои книги продаются, как горячие пирожки! Не успевают их в магазины завозить, как все раскупают! А почему? Потому что каждому хочется посмотреть – что же это за такой писатель, который взял, и так просто отмудохал самого Мохаммеда Али! И кем бы ты ни был – белый, черный, но тебе все равно не терпится заглянуть и посмотреть хотя бы одним глазком – что это за русский, советский, о котором так много шума! О чем же он пишет?!

А еще, кроме рекламы самого себя, любимого, я создаю образ своей страны. И это перекрывает все! И деньги, и реклама меня – все это вторично. Нет большей рекламы для страны, чем советский писатель, который побивает лучшего из боксеров мира!

Пафосно? Глупо? Да ни черта подобного! Когда играет гимн страны, наши спортсмены плачут, стоя на верхней ступеньке пьедестала. И я их понимаю. У самого глаза щиплет.

Да, я патриот своей страны! Да, у меня слезы на глазах, когда играет наш гимн и вверх поднимается наш флаг! А кому это не нравится – идете вы все нахрен!

И да – скажите американцам, которые каждый день поднимают флаг США на флагшток у своего дома – что они идиоты, раз любят свою страну. Как минимум вам разобьют морду. Как максимум – отстреляют башку.

И раз я решился на такое дело, на этот бой – значит, буду бороться до конца. А еще – найду уловки, которые помогут мне свалить этого Голиафа. В честном бою у меня против него нет никаких шансов.

Хотя... что называть честным боем? Бой по боксерским правилам? Так я и не собираюсь биться по боксерским правилам. В договоре так и сказано: «Бой пройдет по правилам смешанных единоборств», и в приложении – перечень этих самых правил, которые я тут же внимательнейшим образом просмотрел. Все как обычно – не ломать, не рвать, не бить, не выкалывать.

И самая главная строчка: гарантированный приз – двадцать миллионов долларов. Таак... а что там у Али... ха! Бу-га-га! Гарантированный приз – пять миллионов долларов! Это означает, что у меня приз в четыре раза больше! А что там у нас за победу полагается? Двадцать миллионов. То есть, если я побеждаю

– получаю сорок лямов?! Ох ты ж... насколько я помню, в настоящий момент это самый большой приз, который когда-либо мог получить боец на ринге. Это в двухтысячных пошли призы за сто миллионов долларов, и даже за сто пятьдесят, а сейчас даже пять миллионов – это совсем запредельно!

Кстати, очень даже показательно что мое участие оценили гораздо выше, чем участие Али. Я писатель с мировым именем, автор многих супер-популярных книг, по которым сейчас снимают сразу два фильма. Известный скандалист и убивец бандитов, русский, советский – что тоже экзотично. А кто такой Али? Черный боксер, который добился кое-какого успеха, но не такого, чтобы перебить успех советского писателя. Хе хе хе... куда там Али против нашенских! Подрасти еще! Хе хе...

Ну да, стебаюсь... а почему бы и нет? Добился я, или не добился? Хмм... ну... чего-то добился, да. Но надо двигаться дальше! Чем я выше забираюсь, чем больше мой авторитет – тем больше мое влияние на этот мир. Маленький человек конечно тоже может сбросить камешек, способный увлечь вниз лавину, но большой человек, великан... тот может сбросить огромный камень, и уж тогда лавина неминуемо пойдет вниз с максимальной разрушительной силой! И мне нужно стать этим великаном. Обязательно!

Вот теперь – все причины, почему я согласился на этот бой. Только вот мне нужно его еще и выиграть – во что бы то ни стало. Иначе эффект будет совсем обратным, а я этого допустить не могу.

И как это сделать? Изменять правила нельзя, они писаны кровью. Нельзя ломать пальцы и выбивать глаза, нельзя втыкать пальцы в глотку и вырывать трахею – это не смертельный поединок, и мы не гладиаторы. Да и гладиаторы-то редко бились до смерти – что бы там не показывал всезнающий Голливуд. Обученный гладиатор стоил огромных денег, и ни один идиот не будет пускать его в распыл – если только не за очень, очень большие деньги! Деньги, многократно превышающие стоимость этого бойца.

Другого пути нет, кроме как рассчитывать на свои умения борца. Я не должен Али позволять драться так, как он это делает на боксерском ринге. Никакого боя в стойке! Только на ковре, только в партере!

Другой вопрос – насколько Али научился сопротивляться мне в партере? То, что его будут учить бороться – это стопроцентно. И еще будут учить бить ногами – лоукик – наше все! Вот только он всю свою жизнь учился тому, что ногами боксеры не бьют, на ногах они только передвигаются. У него в мозгу стоит ментальный барьер, и никакими тренировками, никакими внушениями его не снять! Быстро не снять...

Я учился боевому самбо, и хорошо умею работать в партере. Он – чисто боксер, и за месяц научиться тому, что умею я все равно не сможет. А что сможет? Сможет выучить пару-тройку приемов в партере, таких, как удушение, и пару болевых приемов. И все. А я знаю точки, надавив на которые заставлю его испытывать очень сильную боль, и даже парализую конечности.

Этому времени до таких изысков еще далеко. Хотя китайцы о таком знают. Вернее – знали. Теперь им не до древних знаний, сейчас китайцы лихорадочно разбираются с тем, что они натворили во время дебильной культурной революции, когда миллионы хунвейбинов уничтожали древнюю культуру Китая. Пока это они соберут остатки знаний, пока это немногие оставшиеся в живых мастера единоборств и знатоки китайской медицины покажутся на поверхности, все еще боясь репрессий от толпы тупых и недалеких проводников «культуры» в некогда просвещенном Китае. А время идет! И пройдут еще десятки лет, прежде чем китайское древнее знание начнет потихоньку прокладывать дорогу в Европу и Америку. Но до того времени еще годы и годы, и кроме меня таким искусством владеют немногие, совсем не многие – в целом мире!

Я подписал договор, не внося в него никаких изменений. Моим менеджером выступил Страус, в качестве представителя нашего с ним продюсерского центра «Страус и Карпофф», и этот самый центр уже занимался организацией матча и продажей сопутствующих матчу ништяков, таких как трансляции и реклама. Прибыль обещала быть очень серьезной.

Матч предположительно должен был состояться через две недели. Я бы мог выйти на бой хоть завтра, как скорее всего и Мохаммед Али, но дело-то тут было совсем не в нас. Нужно договориться о трансляции, нужно подписать договоры с рекламщиками, а еще – разместить где только можно информацию о этом самом матче. Иначе что толку от боя, если его никто не сможет увидеть?

В этот же день мне позвонили из Ньюпорт-Бич. Рой Дисней. Он поздравил меня с началом съемок фильма по моему сериалу «Нед», и сообщил о том, что у него

есть для меня две новости. Первая – это то, что риэлтер, которого он попросил поработать для меня, нашел замечательную виллу рядом с его, Роя виллой. При этой вилле имеется и свой причал для яхт, так что если я пожелаю, могу приехать и купить такое чудо. Только надо делать это быстрее – вилла очень хороша и охотники на нее найдутся. Стоимость виллы – два с половиной миллиона долларов.

В прошлый раз, когда я гостил у Роя Диснея, увидев его виллу, тут же пожелал приобрести нечто подобное, а желание свое полушуточно озвучил своему новому приятелю. Тот воспринял мои слова всерьез и предложил поискать для меня хороший вариант – через своего риэлтера. И вот, спустя несколько месяцев, мое желание может осуществиться. И кстати – почему бы и нет?

Я тут же попросил Роя назначить встречу с риэлтером для просмотра этой виллы, и сказал, что после окончания нашего разговора закажу билеты на ближайший самолет до Ньюпорт-Бич. И чтобы он подсказал мне, в каком отеле города лучше остановиться. Само собой, Рой тут же пригласил меня на свою виллу, никаких отелей – даже смешно! На что я конечно же согласился.

Второй вопрос он озвучивать не стал, сказав, что поговорит об этом со мной при нашей встрече уже на месте. На том мы и закончили наш разговор.

Уже когда я по телефону заказал билет на завтрашний самолет, мне вдруг стало ужасно жалко этого дома, в котором я сейчас живу, и в котором прожил достаточно долго, чтобы его полюбить. Монклер – хороший, тихий городишко, в котором живут обеспеченные, добропорядочные граждане США, и мне уезжать отсюда как-то даже и не хочется. Хотя и надо быть поближе к тому месту, которое для меня скоро станет очень и очень важным: «Студия Уолт Дисней». Голливуд. Тут будут снимать моего «Гарри».

Но я не буду продавать этот дом. Пусть стоит. Пусть в нем живут Серхио и Амалия. Заботятся о доме, поддерживают сад. А когда я буду приезжать в Нью-Йорк, стану в этом доме жить. Вот и будет все нормально, и просто отлично.

Кстати, надо сразу же начать строительные работы в новом доме – спортзал, тир, без этого никак. Хмм... а вдруг там еще и нельзя оборудовать спортзал и тир?! Если нельзя – такая вилла мне и нафиг не нужна. В общем – надо ее вначале посмотреть.

Ольгу отправил к ее сыну. Хотел вначале взять с собой, но потом передумал – а зачем? Пусть с сыном побудет, а то ведь скоро поедет на съемки, несколько недель его не увидит. Да и вообще – когда я перееду в Ньюпорт-Бич, до сына ей достать будет трудно. Я сам предложил – пускай раз в месяц летает к отцу с матерью, побудет там дней пять-шесть – типа выходные, а потом возвращается на работу. Ведь фактически у нее нет выходных дней, когда она находится со мной рядом.

На следующий день около полудня я уже выходил из самолета в Ньюпорт-Бич, вернее не в самом Ньюпорт-Бич, а в восьми километрах от него, в аэропорте Джон Уэйн. Ха! Вообще-то он сейчас еще называется Оранж Кантри Аэропорт, и аэропортом Джона Уэйна станет только в 1979 году. Этот аэропорт раньше принадлежал военной базе, но когда в 1942 году ее закрыли – стал коммерческим аэропортом, который обслуживает в том числе и Лос-Анджелес. Сюда есть прямой рейс из Нью-Йорка, аэропорта Кеннеди.

Чем мне еще интересен Ньюпорт-Бич, кроме океана и почти постоянной солнечной погоды? Тем, что отсюда до Лос-Анджелеса, а соответственно и до Голливуда – около шестидесяти километров. При великолепном нынешнем качестве американских дорог, при отсутствии загруженности магистралей, при полном отсутствии камер фиксации скорости и всякой такой мерзости – максимум полчаса езды. Полчаса – и ты уже на берегу океана! Полчаса – и ты снова в Голливуде, смотришь за тем, как идут съемки фильма по твоей книге! Разве плохо? Не зря именно здесь поселился Рой Дисней – мужик соображает, как совместить и удовольствие, и работу.

Рой – кроме всего прочего, кроме работы в папиной компании – еще и заядлый яхтсмен. И не просто яхтсмен, а можно даже сказать – великий яхтсмен. Он за свою жизнь установил несколько мировых рекордов на однокорпусной яхте и внесен так сказать в анналы сообщества яхтсменов. На самом деле крутой мэн, не офисный планктон. И вообще – очень приличный человек, насколько можно быть приличным, занимаясь крупным бизнесом и ворочая капиталами.

Впрочем – вероятно у меня сложился некий стереотип о том, что согласно Марксу в основе каждого крупного капитала лежит преступление. Не знаю, какое преступление лежит в основе капитала Гейтса или того же Диснея – что-то мне как-то не видится, чтобы они разбойничали на большой дороге или кидали людей на деньги. Придумали, воплотили – заработали денег. А то, что им повезло, и они даже не рассчитывали столько заработать – так на то она и

лотерея.

Кстати сказать, насколько я знаю – в Уолт Дисней вообще очень приличная работа. Это не Макдональдс, который стал символом хреновой работы и отсутствия перспективы, в «Диснее» ценят работников и оплачивают их работу по справедливости. Помню, внучатая племянница Уолта Диснея даже скандал устроила – почему это Боб Айгер, генеральный директор «Уолт Дисней Компани» зарабатывает такие огромные деньги – даже больше ее самой, наследницы! А он в год получал жалованье в 65 миллионов долларов (2018 год). Плюс еще и разовые премии – например за приобретение «Уолт Дисней» одной хорошей компании Айгер получил премию в 23 миллиона долларов.

Но пока что Айгеру на настоящий момент всего двадцать с небольшим лет и он работает на местном телевидении, рассказывая о погоде дебелим домохозяйкам. И даже не мысли о том, чтобы работать в компании «Уолт Дисней». До главы компании ему еще очень и очень далеко. Дорога в целую жизнь.

Меня встречал мужчина лет тридцати с табличкой «Майкл Карпофф» в руках – симпатичный, улыбчивый он представился Стивом, помощником Роя Диснея. Роя самого сейчас нет на месте, он в офисе, но обязательно встретится со мной вечером и просит меня обязательно его дождаться. А пока – мы сразу же едем к риэлтеру (она уже ждет), и оттуда на виллу, которая предлагается к продаже.

Сказано – сделано. Кадиллак темно-синего цвета несет на нас по дороге к Ньюпорт-Бич. У меня с собой только небольшой чемодан с трусами-носками и всякое такое. Штаны-рубашки куплю в магазине на месте, если понадобятся, конечно. Пара штанов и рубашек у меня с собой есть. Не люблю путешествовать с кучей барахла, с огромными чемоданами к которым хоть мотор приделывай – и поехал верхом. Громадные чемоданы – это для бедных, экономящих на каждой копейке. А мне какого черта экономить? Денег у меня больше, чем можно разумно потратить за всю свою жизнь. А тогда зачем жаться? Не люблю жадных богатых жлобов.

Риэлтер, или риэлтерша – что более по-русски, но грамматически звучит не очень верно, молодая женщина лет тридцати из «креативного класса» – вечная белозубая улыбка-маска, подчеркнута элегантный деловой наряд, в общем и целом самая настоящая бизнес-вуман в самом что ни на есть ее худшем виде. Почему-то я не люблю таких слишком лощеных, слишком сияющих «успехом»

людей. Мне они кажутся фальшивыми и напыщенными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/evgeniy-schepetnov/1972-missiya>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)